

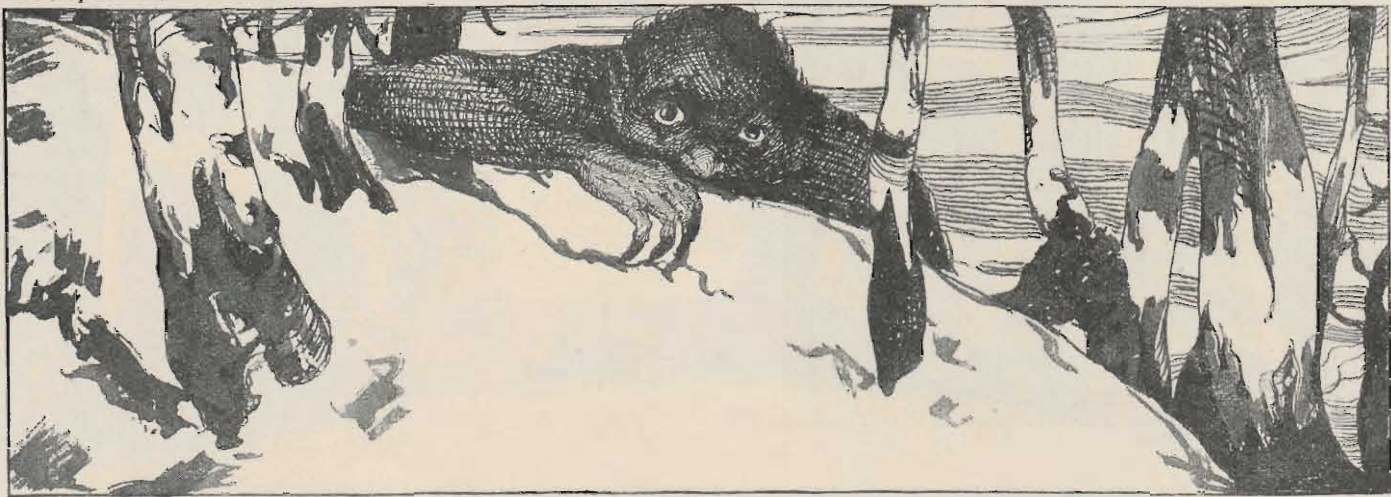
Цѣна 15 коп. (въ провинціи—20 коп.).



Н. Брутъ.



П. Добрынинъ.



Граждане... но какіе вы граждане? Вы, правда, хорошо выбираете кадетовъ, однако, пока есть въ Россіи Дурново, нѣтъ въ Россіи гражданъ...

И такъ, по просту,—люди-человѣки! Послушайте меня, старика... Я начинаю съ нынѣшняго дня свой разговоръ—ибо не въ моготу мнѣ больше молчать...

Что вы дѣлаете? что дѣлаете?!!

Началось это такъ. Жилъ я среди милыхъ моихъ стоеросовыхъ, радовался птичьему пѣнію, звѣриному голосу, трелямъ лягушечьимъ, да жужжанью комариному. Ёль, спаль, а въ промежуткѣ созерцалъ разумность житья звѣринаго и премудрость травъ, мховъ и деревьевъ. И тихо и прекрасно проходили мои дни и ночи. Я созерцалъ и понималъ—все понималъ.

Ибо все кругомъ было разумно.

И вдругъ въ мою радостную, благоуханную тишину ворвался гомонъ и смрадъ, крики и плачь, и загудѣли какіе-то ухающіе, бессмысленные звуки и загрохотала мелкая, рѣжущая ухо дробь, и запахъ крови и гари наполнилъ мою обитель...

Въ тревогѣ и ужасѣ я быстро пробрался къ опушкѣ моего бора и... увидѣлъ. Это были вы—вы, люди-человѣки...

Я долго смотрѣлъ въ оцѣпенѣніи, и видѣлъ и ужасался, и часто дивился, рѣже умилялся, и... не понималъ.

Что вы дѣлаете? что дѣлаете?!!

Да посмотрите вы на меня и на царство мое—пучитесь вы уму-разуму... Глядите,—мои медвѣди не рѣжутъ козу, если усѣбли утолить свой голодь, мои лисицы, будучи сытыми, перестаютъ хитрить и строить козни, и даже гаюки безъ причины не жалятъ и не шипятъ. А вы?... Кошмаръ... Кошмаръ!..

И сколько вѣковъ это длится! И сколько крови всосала за эти вѣка грудь нашей матери-земли! А результаты?

Это было два года тому назадъ—когда я выглянулъ изъ своей обители... Кругомъ была вьюга и стояли морозы. Тысячи братьевъ вашихъ, угнанныхъ въ чуждый, далекий край, поливали для чего-то его землю своею кровью... Рвались и свистали шрапнели и шимозы, трупы людскіе ковромъ устилали долины и равнины.

А вы кричали: «Весна, весна!» Вы, правда, прибавляли—весна Святополка... Но какъ могъ я понять

это и, особенно,—какъ могъ я согласиться съ вами, когда стояли морозы и была вьюга и лилась невинная кровь?

Съ тѣхъ поръ это не прекращалось. Чуть-ли не обильнѣе Манчжуріи полита кровью вся Русь. И сейчасъ вездѣ и всюду льется невинная кровь. Кто льетъ? зачѣмъ льетъ? по какому праву льетъ?...

И опять я слышу: «Кадеты, кадеты! Весна! Весна!»... Какъ могу я понять это и, особенно,—какъ могу я согласиться съ этимъ?..

Поэтики ваши десятки лѣтъ возглашаютъ:

Миръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи полныя скорбной мольбой!..

Что же? не захлебнулись вы еще, не устали? Глядите, смерть устала имѣть дѣло съ вами, земля захлебнулась и скоро откажется вбирать вашу кровь...

Я знаю, не всѣ вы таковы. Не всѣ вы «имѣете право» лить кровь и поливать ею землю. Вы—плѣнники, вы—жертвы, вы—люди. А тѣ, кто «имѣетъ право», конечно, не люди, а нѣчто... изъ ряду вонъ...

Но, господа люди—я только къ вамъ и обращаю рѣчь мою,—какъ же это такъ? Какъ это возможно, чтобы люди такое и такихъ терпѣли и... жили?

У насъ, въ лѣсу—да получасу, полминуты такое бы не продлилось!.. Вѣрьте слову лѣшаго!

Смотрите-же на насъ и учитесь. А я буду помогать вамъ своими разговорами...

Я буду говорить только про васъ, про людей-человѣковъ... Тѣхъ, что «изъ ряду вонъ», я изгоняю изъ поля моего зрѣнія, развѣ мимоходомъ, по нуждѣ, скажу про нихъ нѣсколько словъ...

И это не потому, что, какъ вы выражаетесь, у васъ есть теперь «свобода печати». А потому, что я не только на своемъ благородномъ языкѣ лѣшаго, но даже на вашемъ человѣчьемъ языкѣ не подберу надлежащихъ проклятій...

Буду я говорить о васъ, и о дѣлахъ вашихъ, и буду судить строго, но справедливо,—не по вашему,—безпартійно и безпристрастно, не какъ пепекъ, или ка-детъ, эс-эръ или эс-декъ, а какъ самый простой—по вашему, по людскому, можетъ быть, и глупый—

Старый Лѣшій.

ДВА ОТРЫВКА.

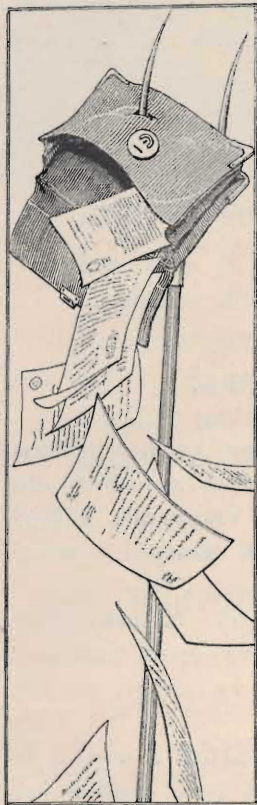
Изъ «Царство Божіе внутрь васъ есть» гр. Л. Н. Толстого *).

I.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКТЪ».

Совершилось въ Орлѣ слѣдующее... владѣлецъ безъ согласія крестьянъ пожелалъ держать на своей мельницѣ воду на томъ высокомъ уровнѣ, при которомъ заливались ихъ дуга. Крестьяне воспротивились этому. Помѣщикъ принесъ жалобу Земскому начальнику. Земскій начальникъ незаконно (какъ это впоследствии признано и судомъ) рѣшилъ дѣло въ пользу помѣщика, разрѣшивъ ему поднять воду. Помѣщикъ послалъ рабочихъ прудить канаву, черезъ которую спускалась вода. Крестьяне возмутились этимъ неправильнымъ рѣшеніемъ и выслали своихъ женщинъ для того, чтобы помѣшать рабочимъ помѣщика прудить канаву. Женщины вышли на плотину, перевернули тележки и прогнали рабочихъ. Помѣщикъ подалъ жалобу на женщинъ за самоуправство. Земскій начальникъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы посадить во всей деревнѣ изъ каждаго двора по одной женщинѣ въ тюрьму («холодную»).

Н. Б.



Рѣшеніе было неудобноисполнимое, такъ какъ въ каждомъ дворѣ было нѣсколько женщинъ, нельзя было знать, какая подлежитъ аресту, и потому полиція не приводила рѣшеніе въ исполненіе. Помѣщикъ пожаловался губернатору на неисполнительность полиціи. И губернаторъ, не разобравъ въ чемъ дѣло, строго приказалъ исправнику немедленно привести въ исполненіе рѣшеніе Земскаго начальника. Повинуясь высшему начальству, исправникъ пріѣхалъ въ деревню и съ свойственнымъ русской власти неуваженіемъ къ людямъ приказалъ полицейскимъ забирать изъ каждаго дома по одной женщинѣ. Но такъ какъ въ каждомъ домѣ было болѣе одной женщины и нельзя было знать, которая подлежитъ заключенію, начались споры и сопротивленіе. Несмотря на эти споры и сопротивленіе, исправникъ приказалъ хватать женщинъ по одной изъ двора, какая попадется, и вести въ мѣсто заключенія. Мужики стали защищать своихъ женъ и матерей, не дали ихъ и при этомъ побили полицейскихъ и испра-

вника. Явилось новое страшное преступленіе: сопротивленіе власти, и объ этомъ новомъ преступленіи донесено въ городъ. И вотъ губернаторъ... съ батальономъ солдатъ, съ ружьями и розгами, пользуясь телеграфами и телефонами и желѣзными дорогами, на экстренномъ поѣздѣ, съ ученымъ докторомъ, который долженъ былъ слѣдить за гигиеничностью сѣченія, олицетворяя вполнѣ предсказаннаго Герценомъ Чингисъ хана съ телеграфами, пріѣхалъ на мѣсто дѣйствія.

У волостного правленія стояло войско, отрядъ городскихъ съ красными шнурами, на которыхъ висятъ револьверы, и собранныя должностныя лица изъ крестьянъ, и обвиняемые. Кругомъ стояла толпа народа въ 1000 или болѣе человекъ. Подъѣхавъ къ волостному правленію, губернаторъ вышелъ изъ коляски, произнесъ приготовленную рѣчь и потребовалъ виноватыхъ и скамейку. Требованіе это было непонятно сначала. Но городской, котораго губернаторъ всегда возилъ съ собой и который занимался организаціей истязаній, уже неоднократно совершавшихся въ губерніи, объяснилъ, что это значило скамейку для сѣченія. Принесли скамью, принесли привезенныя съ собой розги и вызвали палачей. Палачи уже впередъ были заготовлены изъ конокрадовъ той же деревни, такъ какъ военные отказались исполнять эту должность. Когда все было готово, начальникъ велѣлъ выдти первому изъ тѣхъ 12 человекъ, на которыхъ указалъ помѣщикъ, какъ на самыхъ виноватыхъ. Первый вышедшій былъ отецъ семейства, уважаемый въ обществѣ сорокалѣтній человекъ, мужественно отстаивавшій права общества и потому пользовавшійся уваженіемъ жителей. Его подвели къ скамьѣ, обнажили его и велѣли ему ложиться.

Крестьянинъ попробовалъ молить о пощадѣ, но увидавъ, что это бесполезно, перекрестился и легъ. Двое городскихъ бросились держать его. Ученый докторъ стоялъ тутъ же, въ готовности оказать нужную медицинскую научную помощь. Острожники, поплевавъ въ руки, взмахнули руками и начали бить. Оказалось однако, что скамейка была слишкомъ узка и трудно было

Н. Ф.

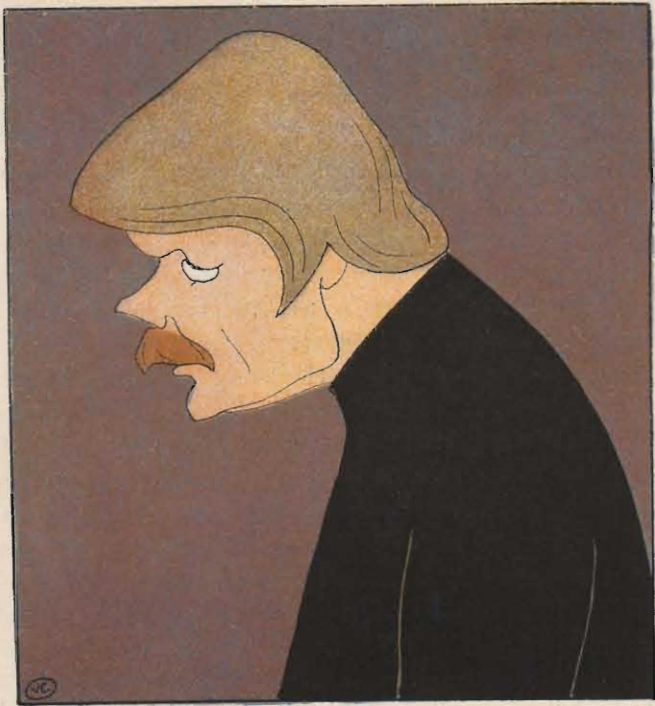


*) Пользуемые нами отрывки впервые печатаются въ Россіи. Книга «Царство Божіе» погилась за границей въ 94 году.

Его подвели къ скамьѣ, обнажили его и велѣли ему ложиться.

Крестьянинъ попробовалъ молить о пощадѣ, но увидавъ, что это бесполезно, перекрестился и легъ. Двое городскихъ бросились держать его. Ученый докторъ стоялъ тутъ же, въ готовности оказать нужную медицинскую научную помощь. Острожники, поплевавъ въ руки, взмахнули руками и начали бить. Оказалось однако, что скамейка была слишкомъ узка и трудно было

В. Каррикъ.



Максимъ Горькій.

держатъ на ней корчившагося истязуемаго. Тогда губернаторъ велѣлъ принести другую скамью и подмостить доску. Люди, прикладывая руку къ козырьку и приговаривая: «Слушаю, ваше превосходительство», поспѣшно и покорно исполнили приказанія, между тѣмъ полубогаженный, блѣдный истязуемый человѣкъ, нахмуривъ брови и глядя въ землю, дрожа челюстью и оголенными ногами, дожидался. Когда приставлена была другая скамья, его опять положили, а конокрады начали опять бить его. Все больше и больше покрывались рубцами и кровоподтеками спина, ягодицы, ляжки и даже бока истязуемаго, и за каждым ударомъ раздавались глухіе звуки которые не могъ сдержатъ истязуемый. Изъ толпы, стоявшей вокругъ, слышались вопли женъ, матерей, дѣтей, родныхъ истязуемаго и всѣхъ тѣхъ, которые были отобраны для наказанія.

Несчастный, охваченный властью губернаторъ, которому казалось, что онъ не могъ поступать иначе, загибая пальцы, считалъ удары и не переставая курить папирски, для закуриванія которыхъ нѣсколько услужливыхъ людей всякій разъ торопились поднести ему зажженную спичку. Когда дано было 50 ударовъ, крестьянинъ пересталъ кричать и шевелиться и докторъ, воспитанный въ казенномъ заведеніи для служенія своими научными знаніями своему государю и отечеству, подошелъ къ истязуемому, пощупалъ пульсъ, послушалъ сердце и доложилъ представителю власти, что наказываемый потерялъ сознание и что по даннымъ науки продолжатъ наказаніе можетъ быть опаснымъ для его жизни. Но несчастный губернаторъ, уже совершенно охваченный видомъ крови, велѣлъ продолжать, и истязаніе продолжалось до 70 ударовъ, того количества, до котораго ему почему-то казалось нужнымъ довести количество ударовъ. Когда данъ былъ 70-й ударъ, гу-

бернаторъ сказалъ: «Довольно! Слѣдующаго!» И изуродованнаго человѣка, съ вспухшей спиной и потерявшаго сознание, подняли и снесли, и привели другого. Рыданія и стоны толпы усиливались. Но представитель государственной власти продолжалъ истязаніе.

Такъ же били 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 11-го, 12-го, каждаго по 70 ударовъ. Всѣ они молили о пощадѣ, стопаи, кричали. Рыданія и стоны толпы женщинъ все становились громче, раздирательнѣе, и все мрачнѣе и мрачнѣе становились лица мужчинъ. Но кругомъ стояли войска, и истязаніе не остановилось до тѣхъ поръ, пока не совершенно было дѣло въ той самой мѣрѣ, въ которой оно представлялось почему-то необходимымъ капризу несчастнаго, полупьянаго, заблудшаго человѣка, называемаго губернаторомъ.

Чиновники, офицеры, солдаты не только присутствовали при этомъ, но своимъ присутствіемъ участвовали въ этомъ дѣлѣ и охраняли отъ нарушенія, со стороны толпы, порядокъ совершенія этого государственнаго акта.

II.

РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ.

Въ началѣ ноября, проѣзжая по Тулѣ, я увидалъ опять у воротъ дома Земской Управы знакомую мнѣ густую толпу народа, изъ которой слышались вмѣстѣ пьяные голоса и жалостный вой матерей и женъ. Это былъ рекрутскій наборъ.

Какъ и всегда, я не могъ проѣхать мимо этого зрѣлища; оно притягивало меня къ себѣ какими-то злыми чарами. Я опять вошелъ въ толпу, стоялъ, смотрѣлъ, разспрашивалъ...

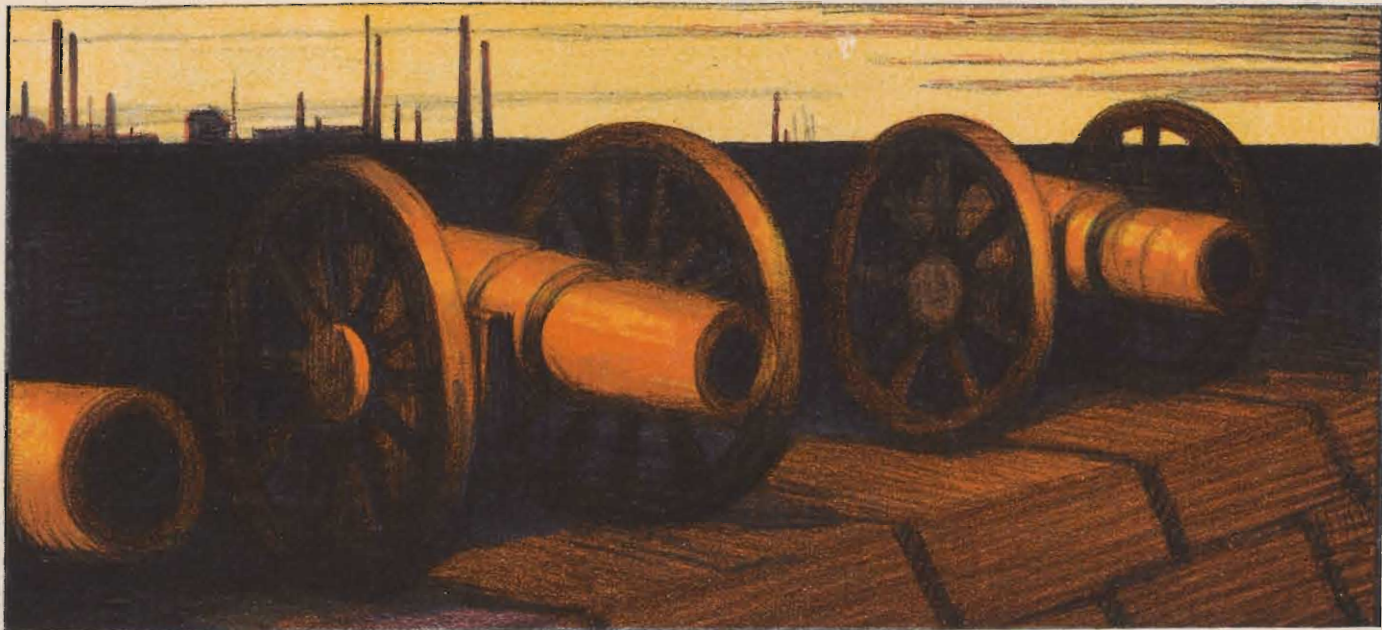
...Какъ и всѣ прежніе года, во всѣхъ селахъ и деревняхъ 100 миллионной Россіи къ 1-му ноября старосты отобрали по спискамъ назначенныхъ ребятъ, часто своихъ сыновей, и повели ихъ въ городъ.

В. Каррикъ.



Проф. П. П. Карвевъ.

П. Добрынинъ.



Конечно, все это — тривиальнѣйшая проза,
Конечно, выходка мальчишески груба,
И политически воспитанному мужу
Не до такихъ вещей...
Однако же, ей—ей!
Они не сѣли въ лужу»...

Кассандра.



ИЗЪ НАДОБВШИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

«такъ невозможно спорить!»

— Самъ Плехановъ признаетъ!.. эти эсеры и
эсдеки столько ошибокъ сдѣлали...

— Сдѣлали, говорите вы?

— Ну, да!

— А вы что сдѣлали?

Н. Е. Кр.



ВЕСЕЛАЯ ПЪСЕНКА.

Почти на мотивъ изъ «Гейши»: «За красу я получила первый
призъ»...

Подъ кадетовъ

Мы наладили заемъ...

Сколько новыхъ пулеметовъ

Заведемъ!

Пулеметы!

И кадеты!

И заемъ!

А на прочіе предметы,

На народъ и на газеты

Мы—плюемъ!

С—ъ С—ъ.



ИЗРЪЧЕНИЯ ВЕЛИКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ.

«Пушки—одна изъ существеннѣйшихъ составныхъ
частей всякой конституціи», сказалъ Лассаль. А въ
нѣкоторыхъ «конституціяхъ»—единственная, скажу я.

Льшій.

У нихъ—«Рѣчь», у меня—пулеметы.

П. Дурново.

Услужливый дуракъ—опаснѣе врага.

Крыловъ.



ОТДѢЛЪ КРИТИКИ.

I.

КРИТИЧЕСКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ ВЪ ЛИЦАХЪ.

Наши философы.

Д. С. Мережковскій. «Хлестаковское: Я... я... я...
я» — высшее самоутвержденіе эгоизма («Гоголь и
чортъ»).

Бѣлая діаволица, челоѣко-бого-бого-челоѣко-
чортъ. Что есть чортъ?—при Плеве—революція; нынче—
абсолютизмъ. Безконечно-далекое безконечно близко.
Бездна сверху, бездна снизу. Какъ бы еще кувыр-
нуться? Градушій хамъ или сущій? Я... я... я... я...

С. Н. Булгаковъ. Соціало-христіано-соловьево-неодо-
стоэвистическій идеализмъ... Wo fass ich dich unend-
liche Natur? Что есть истина?—Свѣтопреставленіе,
прочее же—суета суеть...

Н. А. Бердяевъ. Птичка летаетъ, птичка порхаетъ...

П. Н. Милуковъ. «Равно-далекость»—отъ правыхъ
и лѣвыхъ... und damit Punctum.



Пахнетъ славно!..

П. Б. Струве. Мало ли что я говорилъ! Философія кадетизма. Идея націи.

Вопросъ: пустое мѣсто «равно-далекости», заполняемое «идеєю націи», не остается ли пустымъ мѣстомъ?

Н. И. Каръевъ. Милостивыя Г-рыни и Милостивые Г-ри! Въ 1101-мъ томѣ моихъ трудовъ по исторіи философіи исторіи философіи исторіи, я уже подошелъ къ окончательной постановкѣ этого культурно-историческаго вопроса. Съ одной стороны... съ другой стороны...

Левъ Толстой. Хорошо то что хорошо, а не худо. Хорошо тотъ, кто поступаетъ хорошо, такъ что поступающей худо, а не хорошо, не хорошо.

Persifleur.

II.

ПО ВЫСТАВКАМЪ *).

(впечатлѣнія).

Сезонъ законченъ. Я былъ почти всюду, почти все видѣлъ, но помню мало...

Помню красный коверъ съ бабимъ малявинскимъ «оргіазмомъ»... Говорятъ, его теперь убрали: художникъ будто бы не подчинился администраціи, настаивавшей на замѣнѣ краснаго колера—зеленымъ... Помню небольшую комнатку здраваго смысла въ «Мирѣ Искусства» съ тонкими, полными «историчнаго» лиризма акварелями г.г. Лансере и Бенуа; еще—два-три портрета г. Головина, его же трагическую лампу въ пустой комнатѣ (декорація къ «Призракамъ»), «окно» г. Юона, два-три пейзажа...

Въ «Академіи Наукъ»... все забылъ!—даже яръ-мѣдянку и сурикъ кустодіевской «семьи Полѣновыхъ»...

У «Передвижниковъ»... помню отчетливо мягкій диванъ,

*) Помѣщаемъ въ нашемъ критическомъ отдѣлѣ впечатлѣнія Г-на Профана въ надеждѣ, что голосъ публики, хотя бы и мало просвѣщенной, все же представляетъ нѣкоторый интересъ для г.г. художниковъ.

Ред.

на который присѣвши, вздремнуль... Винавать: Жуковскій, [кажется, у нихъ... Зачѣмъ онъ у нихъ? И еще Рѣпинъ у нихъ былъ.. Да, положительно, былъ...

Въ Академію художествъ не попалъ—побываю на дняхъ...

Основное и самое яркое впечатлѣніе—моментъ выхода съ выставокъ на улицу: какой просторъ! какой пленаръ! сколько свѣта и красоты—даже въ нашемъ сѣромъ и плюгавомъ Питерѣ! И какъ все просто и полно «содержанія» (NB. не «анекдота», г.г. эстеты, а содержанія—это двѣ «большія разницы», какъ говорилъ одинъ нѣмецъ!).

Исканія, исканія... Исполать вамъ, господа, ищите, но и находите-же хоть изрѣдка что-нибудь!

А потомъ—почему это тѣ, кто такъ мучительно ищеть правды, такъ легко находятъ позу?

И еще—почему всѣ исканія такъ мало отзываются «человѣчьимъ духомъ»?

15 картинъ изъято... Знаю. Но развѣ это объясненіе?

«Наше искусство подобно зеленой травкѣ на тюремномъ дворѣ», сказалъ одинъ критикъ. Вотъ это развѣ...

Долой же тюрьму и да здравствуетъ свободное искусство!

Совершеннѣйшій профанъ.



ВѢСТИ и СЛУХИ.

Какъ намъ сообщаютъ, на послѣднемъ сѣздѣ П. II. П. рѣшено бойкотировать Государственную Думу. Свое отношеніе къ Думѣ партія постановила усиленно пропагандировать въ высшихъ сферахъ.

*

По слухамъ, назначенная министерствомъ Внутр. Дѣлъ строительная экспертиза констатировала сильный кренъ влѣво Государственной Думы. Вѣроятно, придется отложить открытіе впредь до полного ея исправленія.



НАШИ ОПРОВЕРЖЕНІЯ.

■ Распространяемые въ городѣ злонамѣренными людьми слухи, будто бы въ редакціи «Русскаго Государства» по всѣмъ стѣнамъ развѣшены плакаты: «Время деньги!», но сотрудники сей мало-распространенной газеты посвящаютъ значительную часть своего времени столь, къ сожалѣнію, распространенной въ нашемъ отечествѣ игрѣ въ «винтъ», — совершенно не соответствующую дѣйствительности.

■ Къ той же категоріи злостныхъ вымысловъ относятся и слухи, будто законъ 20-го февраля о Государственной Думѣ будетъ объявленъ основнымъ закономъ Россійской Имперіи. Эти слухи совершенно не соответствуютъ дѣйствительности и нѣсколько преждевременны.

■ Упорно ходившіе ровно 25 лѣтъ тому назадъ слухи, что членъ Государственнаго Совѣта тайный совѣтникъ профессоръ Рѣдкинъ будто бы произнесъ въ одномъ изъ засѣданій Совѣта якобы историческія слова: «Сколько ни перерѣжемъ нѣтуховъ, поющихъ на зарѣ, солнце все-таки взойдетъ», — совершенно ни на чемъ не основаны, такъ какъ извѣстно, что между нѣтухами и восходомъ солнца нѣтъ рѣшительно никакой связи.



А. Б. Лаховскій



„Л Ъ Ш І Й“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКАГО РАЗДУМЬЯ.

Въ „ЛЪШЕМЪ“ принимаютъ участіе:

ХУДОЖНИКИ: И. И. Бродскій, Н. Н. Брутъ, М. М. Далькевичъ, П. С. Добрынинъ, Е. С. Зарудная-Кавосъ, В. В. Каррикъ, А. А. Кудиновъ, Е. Е. Лансере, А. Б. Лаховскій, М. И. Педашенко-Третьякова, г-жа Собинова, Н. И. Фешинъ, Н. Г. Цириготи и др.

ПИСАТЕЛИ: Е. В. Аничковъ, М. П. Арцыбашевъ, Г. В. Бартеневъ, А. И. Богдановичъ, В. В. Вересаевъ, В. Н. Гординъ, А. Г. Горнфельдъ, В. П. Кранихфельдъ, В. В. Каррикъ, А. И. Купринъ, А. А. Лукьяновъ, М. Невѣдомскій, И. Н. Потапенко, Ник. Рыбацкій (псевд.), Евг. С—о (псевд.), Танъ, Дмитрій Цензоръ, А. А. Яблоновскій и др.

Художественный и литературный матеріалъ просятъ направлять въ редакцію „Лѣшаго“—
Улица Гоголя, д. 14, кв. 14.

Для личныхъ переговоровъ редакция открыта по вторникамъ, отъ 1 часу до 3-хъ. тамъ-же принимаются заказы на отдѣльные №№. Подписка на „Лѣшаго“—не принимается.

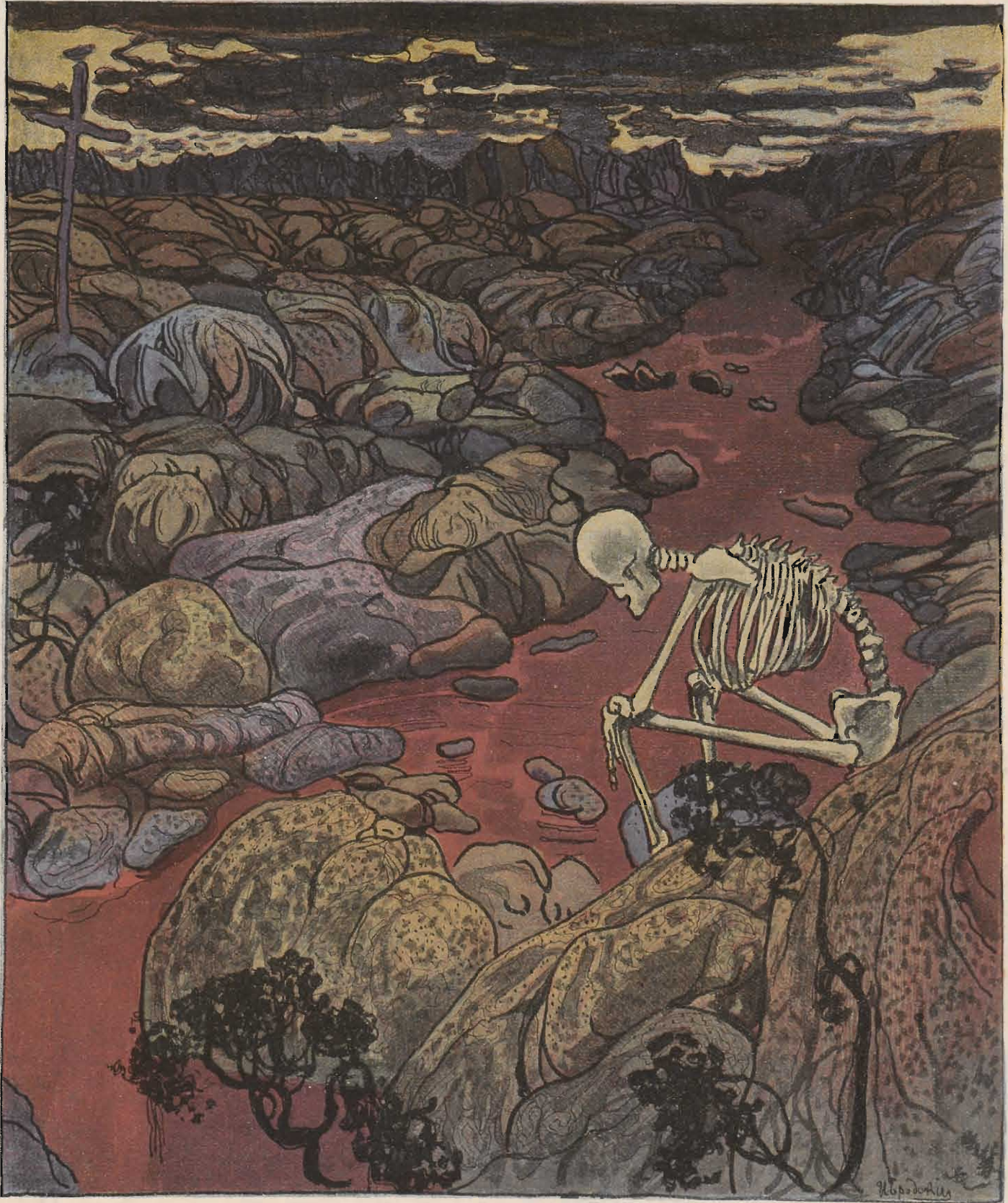
Цѣна номера 15 коп.

Редакторъ М. Миклашевскій (Невѣдомскій).

Издательница Е. Зарудная-Кавосъ.

Завѣдывающій художественно-технической стороною изданія М. Далькевичъ.

И. Бродский.



«УСТАЛА!...»

She's tired

Редакторъ М. Миклашевскій (Невѣдомскій).

Издательница Е. Зарудная-Кавось.

Завѣдывающій художественно-технической стороной изданія М. Далькевичъ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.

Цѣна 15 коп.

ОШУИЪ

1906

ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКАГО РАЗДУМЬЯ.

№ 2

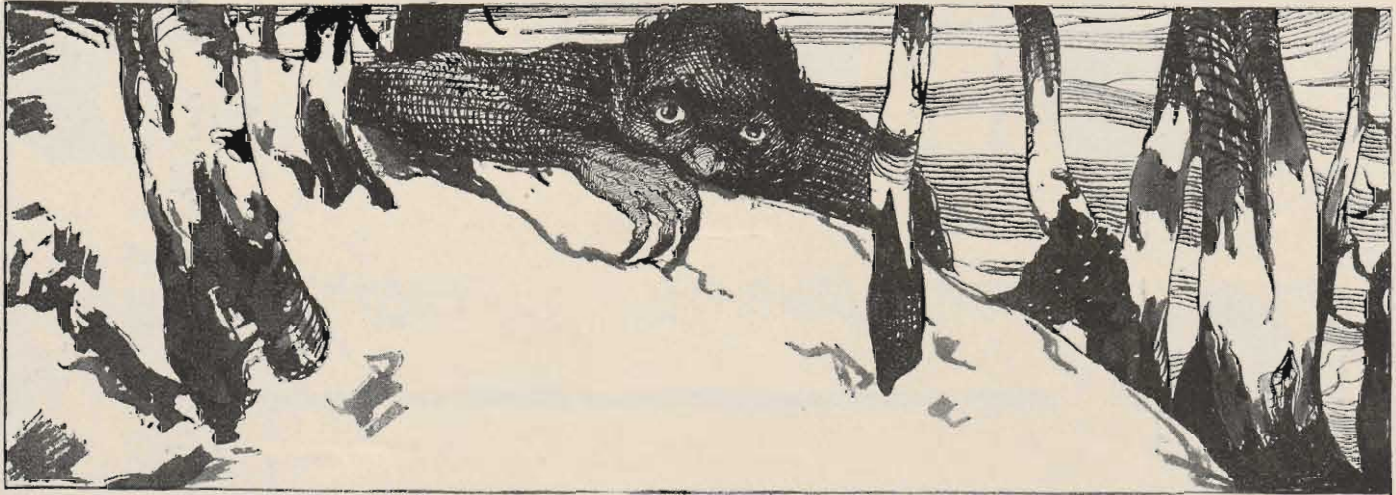
И. И. Бродскій.



Тянутся по небу
Тучи тяжелья...

"Dark clouds on the sky"

П. Добрынинъ.



Ну вотъ!.. И Витте иѣтъ, и Дурново иѣтъ, и Дума собирается...

Я чуть не увлекся, чуть не заоралъ во всю свою лѣшачью глотку: «весна»!.. Да, вѣдь, и апрѣль этотъ—хоть кого собьетъ съ толку... Жара. Лягушки давно отмякли и квакають напрадалую, комары роются... На радостяхъ я чуть не забылъ, какъ самъ «весну» недавно высмѣивалъ. Разинулъ уже ротъ... Образумили меня «бюлетени»... Попался одинъ на глаза: ужъ не знаю, кто его въ лѣсу обронилъ и по какой причинѣ... Прочиталъ. Обомлѣлъ. Весна... чорта съ два!...

До чего ужасенъ этотъ г-нъ Милюковъ!..

Политической мудрости и такта въ немъ — бр...р...р... зубъ на зубъ не попадаетъ!..

Пожаръ залить можетъ.— Вселенную залить. Не упатъ,— море холодной воды!

И блекнетъ и съезживается, подъ струей этой политической мудрости, всякъ весенній цвѣтъ. И сразу, въ одинъ мигъ—

Весна, весна! гдѣ твоя сладость?
Гдѣ вѣчная къ ней рюма младость?

Сразу—осень. Сѣрая, сырая, туманная, равно далекая отъ лѣта и зимы, отъ жизни и смерти. Бр-р-р!

И до чего неотразимъ! Всѣ несогласны. Всѣ лѣвѣе. Всѣ «умирать» собрались за «народную свободу». (Это я изъ «бюлетеней»).

Но онъ сказалъ два слова—и «резолуція» готова: «Борьба за свободу—это ежели безъ конфликтовъ». Вотъ что значитъ борьба за свободу...

Впрочемъ, я, можетъ быть, тутъ чего-нибудь не понимаю еще...

Г-нъ Дероберти... тоже изволилъ высказать:

«Въ провинціи даны наказы депутатамъ—умереть. Это напоминаетъ по своей жестокости средніе вѣка. Люди двадцатаго вѣка не могутъ такъ чувствовать, по

должны сказать депутатамъ: Всегда и вездѣ, во всѣхъ обстоятельствахъ, дѣйствуйте такъ, чтобы народу, защищающему васъ, было изъ-за чего умереть».

Ну, вотъ видите!.. Вотъ что такое «народная свобода»... Заманчивая штука... Но кто же могъ бы сразу понять?..

.....
Понадуть въ Таврической дворецъ и другіе люди,— съ «веспой» въ душѣ...

Одинъ такой недавно забрелъ ко мнѣ въ лѣсъ.

— Дума, говоритъ, это генеральныя штаты... А мы ихъ въ національное собраніе повернемъ.

А я ему:

— Экъ, хватилъ! Вѣдь, на лучшей конецъ, ежели г. Горемыкинъ разрѣшить, не генеральныя, а кадетскіе выйдутъ штаты...

Осерчалъ.

— И острота, говоритъ, плохая, и не до остротъ теперь...

Строгий.

Экъ! кабы эти строгіе на мудрость г-на Милюкова наплевали... Кабы такъ!..

Но вотъ бѣда:

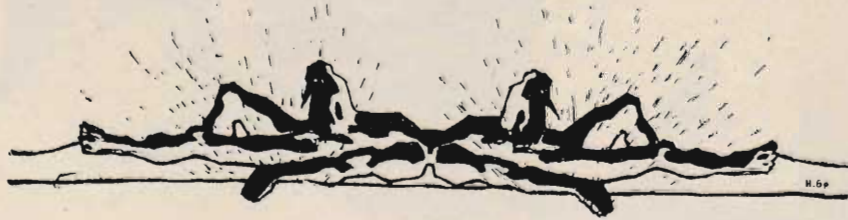
Ихъ захлестнетъ кадетская вода!
А въ такомъ разѣ, господа,
Вся эта дума
Дастъ много шума,
Но столь же мало толка,
Какъ весны Святополка...

До свиданія, читатель! Не обезсудь, меня старика, за скверные стихи...

Это я съ горя... Вѣдь намъ пока горе мыкать придется...

Иѣтъ весны! Иѣтъ и иѣтъ! И не сойчасъ она будетъ... „Кадетъ“ весны не дѣлаетъ... Не въ Таврическомъ дворцѣ она зацвѣтетъ... Немного подождать придется... А надо!..

Льшій.



В Р А Г И.

(изъ разсказовъ о войнѣ).

... Стрѣлявшій рядомъ ефрейторъ Мухинъ вдругъ ткнулся лицомъ въ брустверь, всею грудью скользнулъ по краю земляной стѣнки и грузно упалъ на дно окопа; слѣдомъ за нимъ, качаясь, поползла винтовка. Штабсъ-капитанъ Березниковъ подхватилъ винтовку и, прижавъ къ брустверу, сталъ стрѣлять вмѣстѣ съ ротойю.

Далеко внизу, отъ подошвы сопки, медленно и грозно взмывала на гору широкая, трещавшая выстрѣлами волна; безъ числа ползли и перебѣгали маленькія, муравьиныя фигурки, надъ ними вспыхивали бѣлые дымки прапелсѣй. Березниковъ стрѣлялъ. Въ головѣ шумѣло отъ коньяку, отъ безсонной ночи, отъ рвавшихся кругомъ снарядовъ; онъ стрѣлялъ—и вдругъ увидѣлъ: далеко впереди цѣпей, уже на половинѣ горы, прямо на ихъ окопѣ бѣжалъ японецъ. Съ винтовкою въ рукѣ, нагнувшись и вытянувъ впередъ свободную руку, онъ бѣжалъ, странно напоминая куропатку,—и былъ одинъ.

— Вотъ кап-наля! — изумился Березниковъ. Онъ быстро измѣнилъ прицѣлъ, выстрѣлялъ — и промахнулся. Отдернулъ затворъ, выстрѣлялъ второй разъ — и опять промахнулся.

Японецъ продолжалъ бѣжать увѣренно и смѣло, какъ-будто его окружала толпа невидимыхъ товарищей.

— Ну-ка, Спнижарь!.. Видишь? Кувырни-ка его!

Спнижарь, лучший стрѣлокъ роты, приложился и выстрѣлялъ,—мимо; за нимъ, состязуясь, выстрѣляли еще трое,—мимо. А японецъ все продолжалъ бѣжать.

Скрывая вдругъ охватившее его волненіе, Березниковъ громко и протяжно скомандовалъ:

— Слуша-ай!.. Постоянный — по человѣку — залпомъ... Пли!!

Грянулъ залпъ, вокругъ ногъ японца забили струйки пыли, а онъ пригнулся ниже и побѣжалъ еще быстрѣе.

Что-то непонятно-волнующее пронеслось по окопу. Въ воздухѣ лопались прапелси, шимозы рвали скалы, трещавшая выстрѣлами волна взмывала снизу все выше, но никто ничего не замѣчалъ; всѣ беспорядочно стрѣляли по этому одному человѣку, который все продолжалъ бѣжать на нихъ. Было жутко и странно,—что же онъ можетъ сдѣлать одинъ, и зачѣмъ онъ бѣжитъ?

И вдругъ всѣ перестали стрѣлять.

Тогда случилось самое странное. Японецъ былъ уже шагахъ въ тридцати отъ окопа. Онъ замедлилъ шагъ и неожиданно сбѣгъ на-земь, раскинувъ ноги. И онъ сидѣлъ такъ, опираясь сзади на руки, неподвижно смотрѣлъ на солдатъ, и вся его фигура вырисовывалась на сплещѣ осеннею пѣбѣ. Видимо, онъ не былъ раненъ. И тѣмъ удивительнѣе было, что онъ сидитъ такъ спокойно, всею грудью противъ направленныхъ

на него дулъ, и какъ-будто широко, во весь ротъ, улыбается.

Березниковъ выскочилъ изъ окопа и, выхватывая на бѣгу пашку, побѣжалъ къ японцу. Какъ, для чего онъ это дѣлалъ, Березниковъ не зналъ; въ головѣ шумѣло, въ немъ какъ-будто пропала вѣра, что и теперь можно застрѣлить японца.

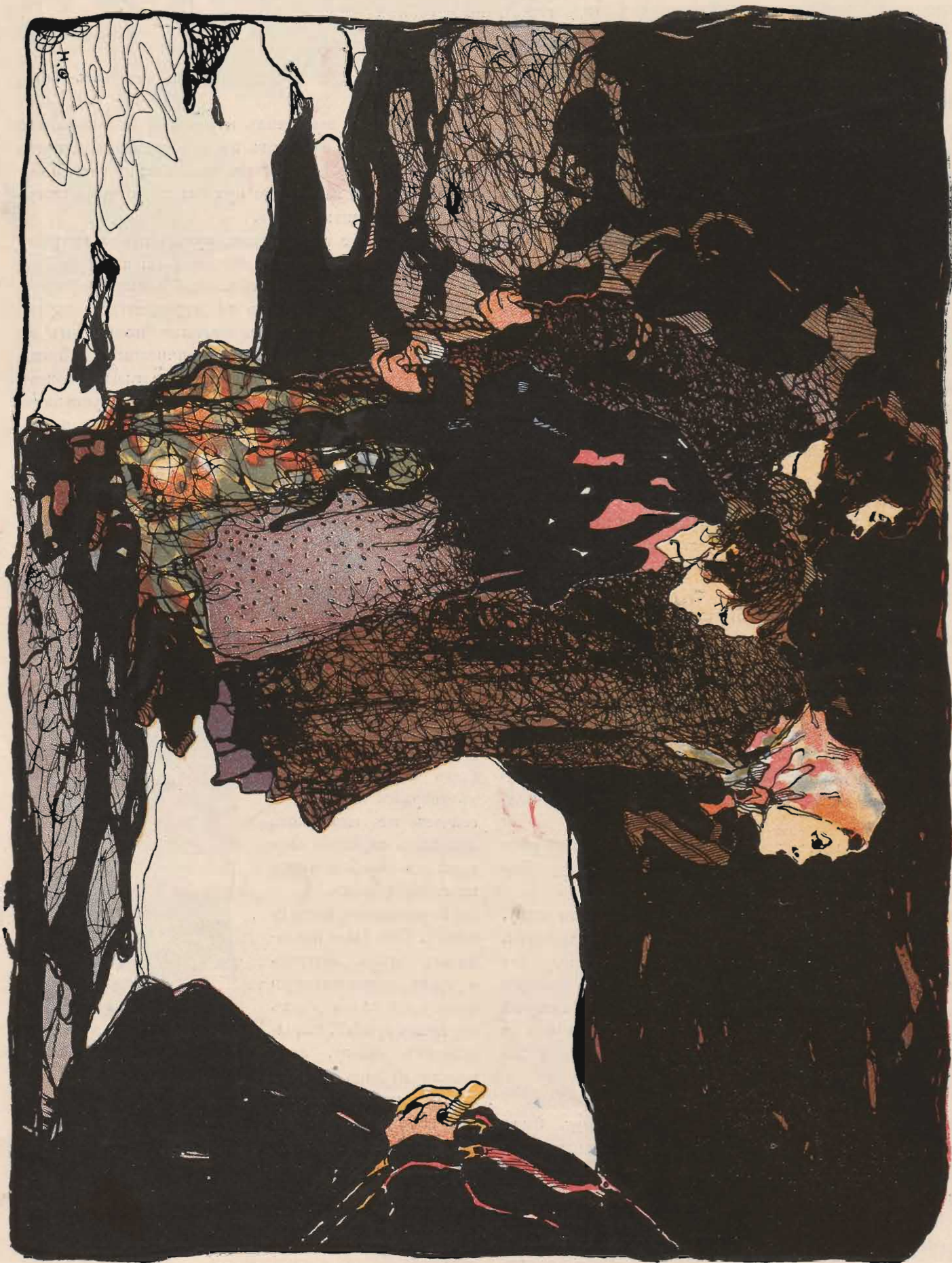
Японецъ все сидѣлъ, раскинувъ ноги и опираясь сзади на руки,—сидѣлъ и не двигался, и широко открытыми глазами смотрѣлъ на подбѣгавшаго офицера. «Чего онъ смотреть? Чего не защищается?»—смутно думалъ Березниковъ. Подъ желтымъ околышемъ съ звѣздочкой, на побѣлѣвшемъ, коричневомъ лицѣ онъ видѣлъ устремленные на него мутные глаза. Японецъ былъ въ принадлежѣ той острой, смертной усталости, которая не разъ въ эту войну наблюдалась при быстромъ взбѣганіи на высокія горы. Онъ широко открывалъ ротъ, какъ выброшенная на берегъ рыба, медленно дышала и смотрѣлъ непонимающими, задернутыми дымкою глазами. Слѣва и недоумѣвая, Березниковъ подбѣжалъ и тяжелою пашкою съ размаху ударилъ японца по головѣ.

Голова сухо хрястнула, японецъ быстро опрокинулся навзничь, — странно - быстро, безъ крика, безъ судорогъ, какъ-будто онъ и раньше былъ мертвъ и только притворялся живымъ. И сейчасъ же изъ окопа поднялась стрѣльба начками по карабкавшемуся на сопку цѣпямъ.

Березниковъ пошелъ назадъ. Онъ было наклонился, чтобъ обтереть о траву окровавленную пашку,—и не обтеръ; въ смутномъ туманѣ, наполнившемъ голову, ярко мелькнуло лицо Зиночки въ пансіонскомъ платицѣ, какъ она большими, любопытными глазами будетъ разсматривать отцовскую пашку съ запекшеюся японскою кровью. Вдругъ что-то острою болью пронизало ему правую сторону груди, странно-перекосившіяся цѣпи наступающихъ побѣжали въ небо, сошедшая сопка опрокинулась на-бокъ, и все исчезло.

Н. Ф.





Н. И. Фешинъ.

Передъ господиною стражничкою.

А. М. Любимовъ.



„Народная Свобода“ въ затрудненіи.

Родина

Мир и Свобода

Родина

Березниковъ очнулся. Былъ вечеръ, и было тихо. Гдѣ-то далеко бухали пушки, снизу неслись долгіе, протяжные стоны. Онъ пошевелился, — острая боль схватила бокъ; и въ лѣвой ногѣ было больно. Хотѣлось пить, ужасно хотѣлось пить, и хотѣлось, чтобъ кто-нибудь ибжнѣй наклонился надъ нимъ, положилъ руку на прострѣленную грудь, а ему чтобъ лежать и не шевелиться.

Морщась отъ боли, Березниковъ медленно приводнился на рукахъ, сѣлъ и оглядѣлся. Кругомъ въ перемежку валялись русскіе и японскіе трупы, была, должно быть, жестокая рукопашная схватка. Въ двухъ шагахъ лежалъ навзничъ Санитаръ съ огромной штыковой раной въ груди и то раскрывалъ, то закрывалъ тускнѣющіе глаза. Внизу, по широкой равнинѣ, стлался бѣловатый туманъ; сосѣдняя сопка, громадная, черная и твердая, тяжело стояла на этомъ колебавшемся морѣ тумана; вдаль длинными рядами уходили другія сопки, — тихія, ясныя подъ свѣтомъ зари.

Вдругъ Березниковъ почувствовалъ, что сбоку кто-то смотреть. Онъ быстро повернулъ голову. Шаговъ за десять отъ него, надъ трупами темнѣло залитое кровью лицо, и съ этого лица смотрѣли два черныхъ глаза, — смотрѣли пристально, какъ будто цѣпились въ Березникова. Красный воротникъ, чуждый покроемундира... Березниковъ торопливо схватился за револьверъ.

Японецъ, съ ружьемъ на руку, продолжалъ смотрѣть на него пристальными, цѣпляющимися глазами. Съ минуту они выжидающе глядѣли другъ на друга, — молча, сжимая въ рукахъ оружіе. Вдругъ японецъ махнулъ рукою въ сторону, вопросительно взглянулъ на Березникова и отложилъ винтовку. Березниковъ нерѣшительно опустил револьверъ.

Японецъ улыбнулся, кивнулъ головою и поползъ къ Березникову.

Онъ осмотрѣлъ раны офицера, туго перетянулъ бинтомъ его грудь и перевязалъ прострѣленную голень. Березниковъ вглядывался и все янѣе соображалъ, — это тотъ самый японецъ, котораго онъ хватилъ шашкою по головѣ.

— Ну, теперь... этого... Теперь моя тебѣ, — хрипло произнесъ онъ, показывая пальцемъ на голову японца.

Японецъ поднялъ брови, слабо улыбнулся и наклонилъ голову съ короткими и жесткими черными волосами. Березниковъ поспѣшно срывалъ обложку съ перевязочнаго пакета, а самъ смотрѣлъ, морщась и закусывая губы: края раны были набухшіе, съ слипшимися въ крови волосами, бѣла разсѣченная кость, а изъ черной трещины выпоздало что-то мягкое и сѣрое, на что было страшно смотрѣть. Онъ поспѣшно прикрылъ трещину марлею и наложилъ повязку. Японецъ выпрямился и сѣлъ на пятки.



Березниковъ жадно и нерѣшительно косился на алюминіевую флягу на его боку. Японецъ поймавъ его взглядъ и предупредительно протянулъ флягу.

— Ахъ, братецъ, во-отъ спасибо! — обрадовался капитанъ и приникъ губами къ горлышку.

Японецъ смотрѣлъ, улыбаясь своимъ залитымъ кровью лицомъ.

— Хао (хорошо)? — спросилъ онъ по-китайски.

— Хао, — отвѣтилъ Березниковъ, возвращая флягу, и тоже улыбнулся

бѣлыми, безкровными губами.

Лицо японца улыбалось, но глаза смотрѣли скорбно, и въ нихъ была смерть. Онъ надѣлъ фуражку на повязанную голову, шатаясь, всталъ и сѣдѣлъ Березникову подъ козырекъ. Березниковъ протянулъ руку, крѣпко пожалъ руку японца и задержалъ ее въ своей рукѣ. Въ груди у него что-то задрожало.

— Маманди (погоди)! — сказалъ онъ и за руку потянулъ японца къ себѣ. Японецъ, внимательно глядя ему въ глаза, присѣлъ. Березниковъ обнялъ его за плечи, вдругъ всхлипнулъ и крѣпко, нѣсколько разъ поцѣловалъ его въ губы съ рѣдкими жесткими усами.

Березниковъ ползъ. Больно было въ ногѣ, больно было въ боку, все въ душѣ слилось въ одно ощущеніе боли, все въ мозгу слилось въ одну мысль, — доползеть ли онъ куда-нибудь? Передъ глазами неизмѣнно были два шага сухой, потрескавшейся земли съ рѣдкою желтоватою травкою. Догорала заря, — тускло-оранжевая, странно-расплывчатая. Колыхавшееся по равнинѣ бѣловатое море тумана потемнѣло и притихло; смутный, мышино-сѣрый, онъ мрачно и неподвижно приникъ къ землѣ; былъ жутко-таинственъ этотъ необычный и такой тихій туманъ.

Ужъ давно бы пора быть мѣсяцу, — отчего его нѣтъ? Березниковъ оглядывалъ горизонтъ, но мѣсяца не было; становилось все темнѣй, и только длинныя, бѣлѣсыя, какъ будто слабо свѣтящіяся полосы тянулись въ молчаливомъ, сѣромъ туманѣ.

Березниковъ ползъ внизъ по полю, межъ двухъ грядокъ съ острыми, косо-срѣзанными стеблями каоляна. Охватывало сыростью, мышино-сѣрый туманъ подступалъ ближе и становился бѣловатымъ. Но отчего же нѣтъ мѣсяца? Небо за отрогомъ сопки какъ будто посвѣтѣло, — должно быть, всходитъ... Острыя, рвущія боли при каждомъ движеніи, два шага земли передъ глазами... Будетъ ли конецъ пути?

Капана, поросшая по краямъ ирисомъ, за нею — дорога. Березниковъ прилегъ на невысокій валъ и закурилъ. И вдругъ онъ справа увидѣлъ мѣсяцъ, — высоко, совсѣмъ не тамъ, гдѣ его искалъ; какъ будто мѣсяцъ сразу вылетѣлъ откуда-то изъ горъ. Но онъ былъ не въ небѣ; вышуклый, ярко-оранжевый

А. М. Любимовъ.



Членъ Думы.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЬСНЯ.

(драматическій этюдъ).

С. Ю. Витте сидитъ у стола и пишетъ обѣими руками, причемъ правая не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая.

1-й интервьюеръ (входя) Не сообщите ли для свободной прессы причины, побудившія ваше сіятельство подать въ отставку?

С. Ю. Витте. Во-первыхъ, не уговаривайте меня остаться. Во-вторыхъ, я противъ винной монополіи. Я не могу помириться съ этимъ заблужденіемъ правительства.

2-й интервьюеръ (стремительно входя). Не сообщите ли... для свободной прессы...

С. Ю. Витте. Знаю. Единственная причина моего ухода—это невозможность мириться съ условіями, въ какія поставлена печать. Печать должна быть свободной. Это мое глубокое убѣжденіе. Глубочайшее! Знаете, что я вамъ скажу: если бы меня, какъ неофициальнаго редактора «Русскаго Государства», вздумали привлечь къ отвѣтственности, то, клянусь, я бы закрылъ газету совѣмъ, совѣмъ!.. Не уговаривайте меня остаться!

3-й инт. (вбѣгая). Просимъ сообщить причи...

С. Ю. Витте. Я очень радъ. Но развѣ ужъ такъ трудно догадаться? Исторія съ Гапономъ! Ахъ, эта ужасная исторія! Правительство даетъ какія то 30 тысячъ, словно серебрянники, правительство поддерживаетъ сношенія съ этимъ подозрительнымъ человѣкомъ. И все это я долженъ былъ стерпѣть? Что? Простить это? Не уговаривайте меня, я человѣкъ мягкій на меня легко повліять. Забыть? Что? Ну, вотъ видите, на половину вы меня уже уговорили...

4-й инт. (запыхаясь.) Умоляемъ дать свѣдѣ...

С. Ю. Витте. Единственной причиной моего ухода: дѣло Спиридоновой. Вѣдь это такъ естественно. У меня нервы не изъ веревки. А тысячи и тысячи людей, посаженныхъ въ тюрьмы только потому, что они... Но, нѣтъ! не будемъ объ этомъ говорить. Всякое прикосновеніе къ свѣжимъ ранамъ болѣзненно. (остальнымъ:) Господа, о чемъ вы шепчетесь?

Интервьюеры. Мы молчимъ.

С. Ю. Витте. Нехорошо, нехорошо, господа. Вѣдь я просилъ, я умолялъ васъ не уговаривать меня. Я человѣкъ слабый. Да и какъ устоять, если вся русская печать проситъ...

Интервьюеры. Мы не просимъ.

С. Ю. Витте. Не просите? Мнѣ показалось...

5-й интервьюеръ (влетая). Честь имѣю освѣдомить-ся...

С. Ю. Витте. И вы еще спрашиваете? Причина одна: заемъ. Слыханое ли дѣло, чтобы за нѣсколько дней до Думы заключить заемъ? И на какихъ униженныхъ условіяхъ! (тайно) Вы думаете, я не догадываюсь, на что пойдутъ деньги? Эге! Меня не такъ-то легко надуть. (Еще тайно) На пулеметы... А? Каково? И вы, послѣ этого, спрашиваете!..

6-й инт. Но, если не ошибаюсь, ваше сіятельство сами...

С. Ю. Витте (вдругъ, изъ Гоголя) Пошли войтъ, дураки!

Интервьюеры въ ужасѣ бѣгутъ.

С. Ю. Витте (говоритъ по телефону). Немедленно опровергните: никакой бесѣды съ журналистами у меня не было... (подумавъ) и быть не могло!..

Занавѣсъ.

О. Д—овъ.



ЕГО КАРАТЕЛЬСТВУ.

(прошальная ода).

— Сахалинецъ мой сіятельный!
Монополь-премьеръ карательный!
Что тебя такъ исковеркало?
Аль глядѣлся часто въ зеркало?
«Я задумался предъ Думою,
Предъ крамолою угрюмою,
Предъ заимствованной суммою!
Положеніе невѣрное,—
Исторически прескверное!»
— Поводырь нашъ во безпутіи,
Столпъ отечества въ распутіи!
Графъ казенный отъ-портсмутіи!
Передъ Думою кадетскою
Встань-ка въ позу кабинетскую! *)
«Встагъ бы я, да мнѣ неможется!
Уложилъ бы, не уложится!
Разогналъ бы, да умножится!
Для блюденія достоинства
Не хватаетъ больше воинства...
— Эко дѣло пезадачное!
Что жъ, сіятельство кабачное,
Не кидать же мѣсто злачное!..
Плюнь крамола въ рожу мерзкую
И держись за роль премьерскую!
«Охъ, и плюнулъ бы внушительно...
Охъ, какъ плюнуть соблазнительно!
Да меня, бѣднягу, скрючило:
Горемыкинское чучело
Предназначено премьерствовать,
А моя судьба—дирнерствовать,
Въ брилліантахъ кавалерствовать
Съ пулеметнымъ моимъ сродникомъ —
Съ Дурново Петромъ угодникомъ...
И засядемъ мы за шторами,
И пребудемъ тамъ суфлерами!»

Чужь-Чуженинъ.



*) Завѣсь предполагается кабинетъ министровъ, а не другое.

И. Ф.



ВИРШИ НА ОТКРЫТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

(съ настроеніемъ).

Гудятъ колокола и громяхаютъ пушки...
 Долой молчанія великаго печать!
 И веселье гражданъ, и на макушкѣ—ушки,
 И плакать хочется, и хочется кричать...
 О, онъ на все глядитъ влюбленными глазами...
 И съ устъ его готовъ сорваться иѣжный стихъ!
 О, онъ готовъ теперь брататься съ казаками
 И даже лобызать въ уста городовыхъ!..
 Ни сыщиковъ кругомъ, ни страшной черной сотни...
 Впервые такъ великъ къ свободѣ мощный зовъ!..

Нагнись же, гражданинъ, и въ каждой подворотнѣ
 Узришь припрятанныхъ, на случай, казаковъ!

Чужь-Чуженинъ.

МЕЛОЧИ и КУСОЧКИ.

НѢЧТО БИБ. ПОГРАФИЧЕСКОЕ.

- Вы слышали, вышла книжка х... Надо купить.
- Говорятъ, скучно...
- А!
- И конфискована уже...
- Ну, значитъ, необходимо купить!

X.

ПО ПОВОДУ СЪБЪЗДА.

- Поразительное единодушіе!
- Но и двоедушіе...
- Согласенъ. Скажемъ такъ: поразительно единодушное двоедушіе...

У.

НА УЛИЦЪ.

— Какъ ваше мнѣніе: выйдетъ что хорошее изъ думы?

— Мое мнѣніе, что всему хорошему придется изъ нея выйти...

Z.



НАШИ ОПРОВЕРЖЕНІЯ.

Въ виду выхода въ отставку С. Ю. Витте этотъ отдѣлъ остается не заполненнымъ.

*Ред.**В. Карри къ.**Ф. Н. Родичевъ.*

ОТДѢЛЪ КРИТИКИ.

КРИТИЧЕСКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ ВЪ ЛИЦАХЪ.

Наши беллетристы.

Левъ Толстой. И старый Левъ остается львомъ.

Л. Андреевъ. Цѣлая исторія! Александръ роди Николая; Николай роди Ивана; Иванъ—Льва; Левъ—Антонъ; Антонъ—выписавъ въ крестные Гюи изъ Парижа—роди сего Леонида... Опроверженіе пословицы: и «тонко» и почти нигдѣ не «рвется». Рационаленъ въ ирраціональномъ... И ледяныя иглы его ума, такія острыя и холодныя, вбиваются въ раскаленный пламень души и не таютъ... Методъ заочнаго обученія не чисто-писанію, а жизнеписанію.

М. Горькій. Какъ свѣтъ на голову, какъ «беззаконная комета въ кругу разсчитанныхъ свѣтилъ»... «Бувъ виль, та скозлятився», утверждаютъ скептики-хохлы. Подождемъ: пожалуй, опять свѣтъ на голову... «Чертовски люблю кляксы!.. и потому пишу драмы»...

П. Д. Боборыкинъ. Трудо- и чадо-любивъ. Поспѣваетъ. Въ теченіе столѣтней связи съ бесплодной музой умудрялся ежегодно производить на свѣтъ по дюжину злободневнѣйшихъ младенцевъ. Вопросъ: живыхъ?

Н. Минскій.

Заунывное бряцаніе,
О „мэонахъ“ прорицаніе...
Вдругъ—о мигъ!—
Онъ ужъ большевикъ...
На вопросъ: кто онъ?
Мой отвѣтъ: — м э о н ъ.

Наши публицисты.

„Русь“, „Молва“ и т. д. «Съ пылу, съ жару... Самыя свѣжія политическія новости! Не угодно-ли?»

„Речь“. «Критикуете? А вы бы въ нашу шкуру влѣзли... Вотъ С. Ю. Витте въ «дни свободы» какъ изворачивался? Мы тогда тоже критикой занимались. А теперь понимаемъ»...

„Наша Жизнь“... «И сказали бы что-нибудь... Да что? Вотъ вопросъ»...

Публицистъ „Большевикъ“.

— Мой девизъ—въ бараній рогъ!

— Но, Вл. Ил., вѣдь такъ говорятъ голубые...

— А я—въ другую сторону.

Persifleur.

В. Каррикъ.



Леонидъ Андреевъ.

Л Ъ Ш І Й

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКАГО РАЗДУМЬЯ.

Въ „ЛЪШЕМЪ“ принимаютъ участіе:

ХУДОЖНИКИ: И. И. Бродскій, Н. Н. Бругъ, М. М. Далькевичъ, П. С. Добрынинъ, Л. М. Евреиновъ, Е. С. Зарудная-Кавось, М. Ф. Ивановъ, В. В. Каррикъ, А. А. Кудиновъ, Е. Е. Лансере, А. Б. Лаховскій, А. М. Любимовъ, В. Никитинъ, М. И. Педашенко-Третьякова, г-жа Собинова, Н. И. Фешинъ, Н. Г. Цириготи и друг.

ПИСАТЕЛИ: Е. В. Аничковъ, М. П. Арцыбашевъ, Г. В. Бартеневъ, А. И. Богдановичъ, А. И. Венцовскій, В. В. Вересаевъ, В. Н. Гординъ, А. Г. Горнфельдъ, В. П. Крапихфельдъ, В. В. Каррикъ, А. И. Купринъ, А. А. Лукьяновъ, Л. И. Лутугинъ, М. Невѣдомскій, И. Н. Потапенко, И. Рукавишниковъ, Ник. Рыбацкій (псевд.), Евг. С—о (псевд.), Сила Дворяниновичъ (псевд.), Танъ, Дмитрій Цензоръ, Саша Черный, А. А. Яблоновскій и друг.

Художественный и литературный матеріалъ просятъ направлять въ редакцію „Лѣшаго“—Улица Гоголя, д. 14, кв. 14.

Для личныхъ переговоровъ редакція открыта по вторникамъ, отъ 1 часу до 3-хъ.

Подписка принимается по 75 к. за серію въ 5 номеровъ, съ пересылкой 1 руб.

Складъ изданія, пріемъ объявленій и подписки въ конторѣ „Лѣшаго“—Измайловскій полкъ, 6 рота, д. 25, кв. 8.

Кромѣ того журналъ продается въ книжныхъ магазинахъ: «Трудъ», Невскій, 60; газеты «Наша Жизнь», Невскій, 19; В. П. Крапихфельдъ, Англійскій пр., 40; магазинъ «Русской Газеты», Невскій, 52; Дресслера, уг. Б. и М. Дворянской; въ книгоиздательствѣ «Новый Миръ», Николаевская, 61 и во всѣхъ его отдѣленіяхъ. Въ Москвѣ: «Трудъ», Тверская. 38 и Агентство А. Ярцевъ и К^о.

Цѣна номера 15 коп.

Редакторъ М. Миклашевскій (Невѣдомскій).

Издательница Е. Зарудная-Кавось.

Завѣдывающій художественно-технической стороной изданія М. Далькевичъ.

шарь висѣлъ гдѣ-то вдали, въ золотившемся вокругъ туманѣ. И все кругомъ было смутно и необычно, и смутно было въ душѣ, и весь міръ кругомъ былъ какой-то другой, не всегдашній. А мѣсяць,—странный, выпуклый,—смятенно несся на дорогу; онъ какъ будто заблудился въ этомъ мутномъ туманѣ, безпомощно плывъ въ немъ, искалъ и не находилъ неба.

Березниковъ затянулся папирской.

— Кто идетъ? — раздался въ туманѣ грозный и испуганный голосъ.

Это былъ казачій развѣздъ.

* * *

Посылки тихо и плавно качались. Выпуклый мѣсяць пожелтѣлъ, но онъ по-прежнему безпомощно и недоумѣло плывъ въ золотистомъ, прозрачномъ туманѣ, искалъ и не находилъ неба.

Все хорошо. Нѣтъ болѣе, конецъ пути. Но отчего же нѣтъ счастья и успокоенія? Что незабытою тяжестью давить душу?

Ахъ, да... Подъ шашкою сухо хрястнулъ черепъ, изъ черной трещины выползло что-то сѣрое и мягкое, залитое кровью лицо улыбалось, а изъ глазъ скорбно смотрѣла смерть... Милый, милый японца! Спасибо ему. И какъ онъ хорошо перевязалъ ногу. Дай ему Богъ!.. Но нѣтъ, не то. Отчего же такъ тяжело въ душѣ, такъ смятенно и необычно?

И Березникову вдругъ вспомнилось, какъ они цѣловались. Вотъ. Вотъ это... Криво-пьяный хмѣль, исковерканныя тѣла, тяжелые удары, раскалывающіе черепъ,—пукай; само по себѣ это бы все ничего. Выше души, выше жизни можетъ стоять что-то вели-

кое и свѣтлое, передъ чѣмъ ничтожны и своя жизнь и все чужія; нестовою ненавистью замутится тогда душа противъ того темнаго, что встаетъ навстрѣчу, и въ этой ненависти все забудется; и, умирая, враги будутъ рваться другъ къ другу, не видя одинъ въ другомъ человѣка,—иначе они вѣдь увидѣли бы это и раньше. А такъ, какъ здѣсь... Сейчасъ рубили и увѣчили другъ друга, потомъ перевязывали другъ другу раны и цѣловались. Что же это такое?.. «Наше ремесло—умирать и убивать»... Развѣ возможно дѣлать это во имя ремесла, а не во имя того безмѣрно-великаго, что одно только способно освятить и кровь, и смерть?

Въ перевязочномъ шатрѣ горѣлъ огонь, и шла снѣжная работа. Кругомъ стояли подъ открытымъ небомъ посылки съ ранеными, санитары подносили все новыхъ и новыхъ. Рядомъ съ Березниковымъ лежалъ стрѣлокъ, раненный шимозою въ голову; онъ метался въ бреду, ворочалъ окровавленную голову и твердилъ:

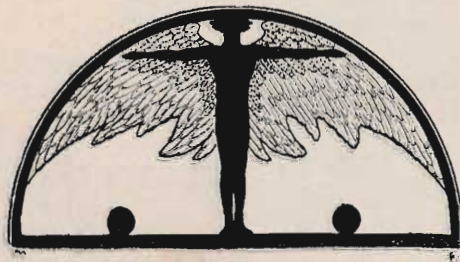
— Ой, пустите мене на білый свѣтъ!

Мѣсяць давно нашелъ небо и равнодушно сіялъ на немъ всегдашнимъ, плоскимъ кружкомъ; но по-прежнему смутно и необычно было въ душѣ.

— Мамонько!.. Ридная!.. — звалъ въ бреду стрѣлокъ.

Хотѣлось плакать отъ этого дѣтскаго призыва большого человѣка къ матери. И отовсюду неслись оханья, всхлипывающіе стоны. Какъ будто громадное, отвратительное колесо прокатилось по этимъ окровавленнымъ, изувѣченнымъ тѣламъ. И были въ душѣ только стыдъ и отвращеніе.

В. Вересаевъ.



* * *

Они застрѣлили его, безоружнаго...
Онъ блѣденъ былъ, нѣмъ, недвижимъ.
И холодъ, и ужасъ злодѣйства неужнаго
Повисли надъ міромъ таухимъ.
Ложились на вѣтви снѣжинки усталыя,
Клубился ползучій туманъ
И падали капли—горячія, алыя
На мертвый, безстрастный курганъ.
... Обмануты были—тупыя, покорныя...
Въ ихъ мутныхъ, тяжелыхъ зрачкахъ
Зіяли безумія пропасти черныя
Сквозь мрачную злобу и страхъ.

Обманъ людскіе... О, трижды проклятыя!
Ты, Высшій, имъ путь укажи!
Скажи имъ, что братья безвинно распяты
Шкали спасенія отъ лжи;
Скажи имъ, что ужасъ насназя звѣрнаго
Позорно, безумно стеречь,
Что гибнуть подъявниіе мечь на невиннаго,
На брата подъявниіе мечь!
... И свѣжи, и юны снѣжинки усталыя,
Пробились лучи сквозь туманъ
И падаютъ капли—горячія, алыя
На тихій, безвѣстный курганъ...

Л. М. Василевскій.

А. К.



Цѣна 15 коп.



А. Любимовъ.

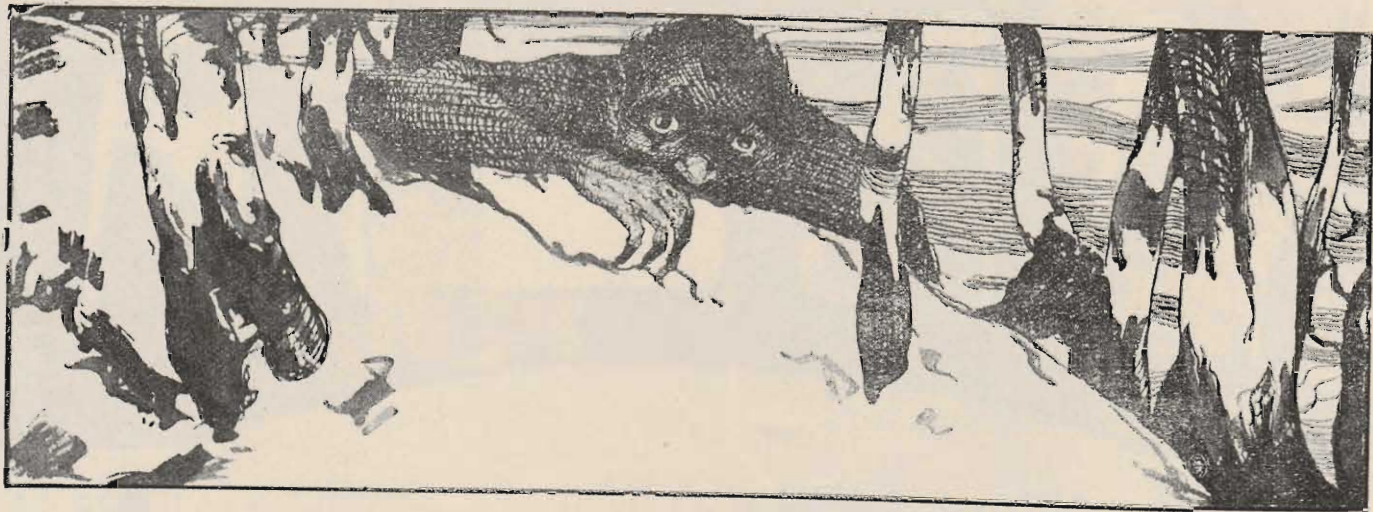


1-ое Мая

(старого стиля).

The first of May - old style

П. Добрынинъ



ПИСЬМО КЪ ЛЪШЕМУ.

Вотъ что, дядя... Ты не обижайся, если тебя какъ-нибудь иначе величать слѣдуетъ: откровенно признаюсь, съ такими лицами я до сихъ поръ въ переписку не вступала, а потому могу и ошибиться.

Дѣло то, однако, не въ этомъ, а въ слѣдующемъ.

Ну, зачѣмъ ты такъ кадетовъ подсиживаешь? Ей-Богу, не хорошо... Общались бытъ справедливымъ: «Я, говоритъ, не пе-пекъ, не эс-декъ». А на повѣрку выходитъ, что и ты тѣмъ же міромъ мазанъ, хоть и Лѣшій! Или ужъ такъ къ нашимъ дѣламъ пристрастился, на насъ глядячи, что готовъ въ «партію» записаться?

По совѣсти говорю: грѣхъ тебѣ, старый!

Я сама старуха, сколько лѣтъ землю беремю, сколько на своемъ вѣку перевидала всякаго, а ужъ про послѣдніе годы и говорить нечего. Ну, и вотъ: надо судить по человѣчеству. Вотъ что я скажу. Не все ругать, а ино слово и въ ласку вымолвить, въ одобренье. Тоже и пожалѣть можно.

Вотъ именно пожалѣть — настоящее слово сказала.

Ты что же думаешь ему, кадету-то, сладко что-ли?

Ты думаешь весело въ такую грязную исторію попать, такую кашу расхлебывать?

Не довернешься—бьютъ, перевернешься—бьютъ. А спасибо никто не скажетъ.

Чуть что — «предатели!» Чуть что — «измѣнники!»

А они только всего съ графомъ Гейденомъ поцѣловаться хотѣли.

И вѣдь не шелудивый какой этотъ графъ. Давно ли въ «Вольномъ» обществѣ президенствовалъ? Кто бы думалъ, что онъ сначала поманить—вольный духъ изъ адреса выпустить присогласить,—а потомъ «для единогласія» кукишь покажетъ? Такъ ты на него и сердись!

А кадетики, болѣзные мои, думали: графъ—онъ каменная гора, онъ среди петергофскихъ дачниковъ большое знакомство имѣеть, въ черный день заступиться можетъ...

Пролетаріевъ этихъ самыхъ за бортъ выкинули... Правда. Такъ, вѣдь, что жъ, они сами то думали? Кабы покрѣпче вѣдѣли, не такъ-то скоро ихъ отодрали бы.

И земѣть еще: въ пятомъ часу ночи дѣло происходило... Банишки пора, глазки слипаются. А тутъ о всякой мелочи и мелкотѣ помни...

Автономію провалили. Опять правда... Но вѣдь ее, автономію эту, во второмъ часу ночи, на сонъ грядущій, и признали. Не помнишь развѣ? Сколько разъ извинялись потомъ въ газетахъ, господина Гучкова успокаивали... Ну, что подъ сонную руку приняли—то подъ сонную руку и откинули.

Дивитесь не чему. А главное, подсиживать не нужно.

И вникни ты въ ихъ положеніе—хоть на минутку вникни.

Здѣсь все ихъ клянутъ. А изъ деревни «мандаты» шлютъ: «Если ежели воли да земли съ собой не привезете—лучше и домой не ѣздите. Убьемъ».

И въ хвостъ, и въ гриву!

Г-нъ Горемыкинъ и господа Дурново-Витте сердятся.

Пролетаріатъ сердится. Г-нъ Мякотинъ отрицаетъ. Г-нъ Ленинъ прямо глотку перекусить готовъ.

Куда тутъ дѣться? Мечутся бѣдные, да въ «Рѣчи», да въ «Думѣ» себя восхваляютъ, сами себя увѣрить стараются, будто «страшнѣй кадета звѣря нѣтъ». Всѣхъ приглашаютъ въ грустной ихъ долѣ поддержку имъ дать: г. Треповъ ихъ, дескать, слопать собирается, когда они только-только не «революцію», а «революцію» дѣлать собрались.

А на самомъ дѣлѣ, и разгонять ихъ никто не будетъ.

А такъ будетъ, какъ въ опереткѣ поютъ:

«Говорятъ, говорятъ,
Говорятъ, говорятъ,
Ну и пусть себѣ
Говорятъ»...

А «Васьки», Митьки да Петьки, и прочая тварь будутъ «слушать да вѣсть».

Вѣдь подлѣ этого ничего и придумать нельзя!!

А ты подсиживаешь...

Боятся они революціи,—это давно извѣстно. Боятся они графа Гейдена и его дачныхъ знакомствъ,—это не-

давно объявилось. А имъ кричатъ: «землю и волю подай!». А имъ кричатъ: «свободы учреждай!», «генерала Трепова подь судъ отдай!»... Господи!!

Не смѣха и порицанія, а по истинѣ — жалости и слезъ достойно!..

И милые они всѣ, и честные... Не правда это все—что г. Ленинъ говоритъ—будто они буржуазія, и пролетарскія завоеванія эскамотируютъ, и на шею къ пролетариату сбѣтъ намѣреваются... Гдѣ имъ—профессорамъ! Боятся они, бѣдненькіе, — только и всего. Всего и всѣхъ боятся.

А положеніе-то — передъ лицомъ этихъ «Васекъ», да Митекъ съ Петьками, которые пока еще по-

слѣдняго займа не скушали, сонпять да чавкаютъ: «Вотъ какъ все сжужемъ и вась, кадетники, слопаемъ... ежели аппетитъ будетъ!».

Пожалѣй, старина! И вы, добрые люди, пожалѣйте... по человѣческому, по христіанскому!..

С.-Петербургскаго второй гильдіи купца законная супруга
Оеоктиста Лукошкина.

Содержу съ супругомъ ренсковый погребъ, уголь Пря-
дильной улицы и Англійскаго проспекта. Чина еобетвеннаго
розливу. А самому покорно прошу мое письмо не показы-
вать. Онъ политику не обожаетъ и мнѣ запрещаетъ — гово-
рить: еще подь амнистію подождешь...



СКАЗАНІЕ О ЛЪШЕМЪ.

(былина).

I.

На зарѣ въ бору серебряномъ,
Подъ ракитой обнаженною,
Пробудился Лѣшій сумрачный.
Видитъ: облачко косматое,
Слышитъ: травы пробиваются,
Побѣжали рѣвки сонныя,
Набухаютъ почки весело...
Улыбнулся Лѣшій солнышку,
Потянулся къ почкамъ, къ облаку
И изъ вяза изъ столѣтняго
Смастерилъ клюку саженную...
Подпершись, аукнулъ радостно...
Только эхо не отвѣтило,
Только эхо не откликнулось
На ауканье веселое...

II.

Лѣшій пасмурно нахмурился:
— «Измѣнило Эхо рѣзвое,
Измѣнило, не отвѣтило,
Затерялось за опушкою!
Спитъ болтунья! Видно, нѣжится!
Знать, снѣга ей полюбилися!

Погоди-жъ ты, непосѣдушка,
Разбужу клюкой саженною!»

III.

Шагъ шагнулъ старикъ—нахмурился.
Шагъ еще... И брови бѣлыя
Надъ глазами тучкой свѣсились...
Видитъ Лѣшій диво-дивное:
По проталинамъ видируются
Пятна крови человѣческой...
— «Не медвѣди ли тутъ тѣшились
Надъ охотникомъ измученнымъ?
Не волчата-ль тутъ обѣдали?
Ишь, проталины загадили!
Ишь, деревья мнѣ заканаля!
Игль, надъ дальнею опушкою
Сизый паръ волною носится!
Кто въ моихъ лѣсахъ хозяйничалъ?
На кого звѣрье охотилось?»

IV.

Зыкнулъ Лѣшій гнѣвнымъ голосомъ,
Зыкнулъ старый, запечалился.
Издамече Эхо звонкое
Отвѣчало стономъ-покрикомъ:



ХОРОВОДЪ.

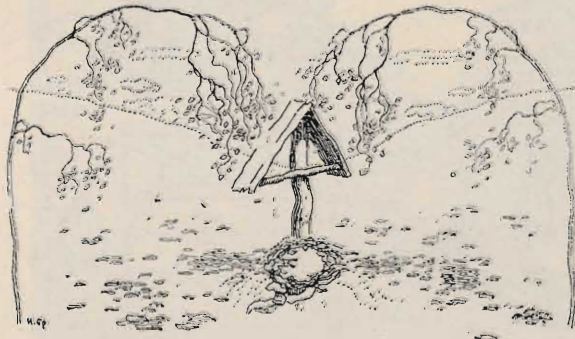
The farandole...

— «Гой ты, Лѣшій, старецъ древненькій!
 Гой ты, Лѣшій, Чудо-Зелено!
 Не медвѣди здѣсь патѣшились,
 Не волчата здѣсь обѣдали.
 Здѣсь была потѣха ратная:
 Собиралися порубщики,
 Подбирали пни корчевые, —
 Изъ твоихъ щедротъ возрожденныхъ,
 Посбирать толику малую
 На безхлѣбцу крестьянскую...
 Да про то узнали ратники,
 Лѣсники, добра надсмотрщики,
 Налетѣли на порубщиковъ,
 Налетѣли, только гикнули...
 Гой ты, Лѣшій, Чудо-Зелено!
 Хоронися за-подъ ельникомъ!
 Прячь, Косматый, дальше голову!»

Уходи ты въ чашу темную:
 Надъ землею стоны носятся,
 По землѣ—все пятна алыя,
 Шагъ ступишь,—все трупы бѣлые,
 Всюду плачь и слезы горькія
 По полямъ, въ рѣкахъ, на площадяхъ!..
 Гой ты, Лѣшій, Чудо-Зелено!
 Не цвѣсти цвѣтамъ лазоревымъ
 На землѣ, гдѣ пятна жгучія!
 Не смѣяться Эху звонкому,
 Откликаясь плачу-голоду!..»

V.

Улетѣло Эхо, сгинуло...
 Налѣ на землю Лѣшій-Зелено:
 А въ землѣ все тотъ же стонъ стоитъ,
 Лютый стонъ по вольной волюшкѣ!..

Сила Дворяниновичъ.

МОРЕ БУШУЕТЪ...

Море бушуетъ... На скалы, какъ вороны,
 Волны съ размаха летятъ,
 Воютъ, тѣснятся и въ разные стороны
 Пѣной сѣдою кипятъ.
 Роеся бездна... О твердые выступы
 Волнъ разбивается рать,
 То вдругъ отпрынетъ, то съ ревомъ на приступы
 Бѣшено мчится опять...
 — Воли, простора намъ, скалы проклятыя!
 Стонетъ волна за волной,
 — Воли! — и съ новою силой косматыя
 Мчатся на скалы стѣной.
 Тщетны усилья... Но скалы надменные
 Въ страхѣ на море глядятъ:
 — Духомъ и правдой вы сильны, презрѣнныя! —
 Волнамъ онѣ говорятъ.
 — Знаемъ, за вами побѣда останется,
 Скоро вы смоее насъ...
 Пусть! но кровавой цѣною достанется
 Эта побѣда для васъ.
 — Пусть! — отвѣчаютъ имъ волцы несмѣтныя,
 — Смерть или жизнь... — и бѣгутъ,
 Ибени могучія, пѣсни завѣтныя,
 Хоромъ гигантскимъ поютъ...

Ник. Рыбацкій.

* * *

Долой! Долой унылый страхъ,
 Отраву пошлаго,
 Мертвозвѣщаго, гнилого прошлаго!
 Рука дрожить — тогда нельзя
 Отнять свое у вора.
 Моги!.. Смотри: подъ гуль живого спора
 Алѣтъ дерзкій лучъ, по склонамъ горъ скользя.
 Намъ онъ шепталъ, теперь кричитъ, держащій,
 Окрасившій полнеба алый лучъ:
 — Вы всѣ могучи: ты, давно страдающій...
 А ты, кто долго спалъ?.. И ты, и ты могучъ!

Иванъ Рукавишниковъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ф. ЛАССАЛЯ КЪ К. МАРКСУ.

...Никогда мои губы не сжимаются въ такую глубоко презрительную усмѣшку, какъ тогда, когда я слышу о судьяхъ и о правѣ. У насъ преступники на галерахъ кажутся мнѣ болѣе достойными уваженія людьми, чѣмъ наши судьи.

...Ненависть массы достаточна для всего, если только въ странѣ найдется пять человѣкъ, которые умѣютъ и понимать.



Н. И. Фешинъ.



„Ваше благородіе, а безъ твоей „справедливой оцѣнки“ не обойдется дѣло?“

ОТНОШЕНІЕ.

(Отъ высшихъ чиновъ петербургской полиціи).

Съ прибытьемъ думскихъ депутатовъ
Въ толпѣ духъ вольности возросъ.
Отъ приставовъ и прочихъ штатовъ
Не прекращается запросъ:
Какъ быть, когда въ толпѣ безумной
Есть даже члены Думы шумной?

ПРЕДПИСАНІЕ.

(Изъ градоначальства).

Вы правилъ временныхъ
Держитесь строго.
У насъ ихъ много,
Но именно на сей предметъ
Ихъ нѣтъ.
И помнить я прошу васъ неизмѣнно,
Что личность каждая прикосновенна.

РАПОРТЪ.

(Изъ полицейскаго управленія N части).

На этомъ твердомъ основаньи,
У Нобеля въ одномъ собраньи
Городовымъ на депутата
Была рука вчера поднята,
И депутатъ, я думаю, умѣстно,
Мной оскорбленъ еще словесно.

ПРЕПРОВОДИТЕЛЬНАЯ.

(Изъ градоначальства).

За расторопность постовому
Цѣлковый дать городовому.
И съ чиномъ слѣдующимъ васъ
Могу поздравить въ добрый часъ.

Сообщилъ А. Скорбинъ.



ЖАЛОБЫ ОБЫВАТЕЛЯ.

Моя жена насѣдка,
Мой сынъ, увы, эс-эръ,
Моя сестра кадетка,
Мой дворникъ старовѣръ.

Кухарка монархистка,
Аристократъ—своякъ,
Мамаша—анархистка,
А я—я просто такъ...

Дочурка гимназистка
(Всего ей десять лѣтъ),
И та социалистка—
Таковъ ужъ нынче свѣтъ!

Отъ самага разсвѣта
Сойдутся и визжать —

Но миѣ комедья эта,
Повѣрьте, сущій адъ.
Сестра кричитъ: «поправимъ!»
Сынокъ кричитъ: «снесемъ!»
Своякъ вопить: «натравимъ!»
А дворникъ — «донесемъ!»

А милая супруга,
Иссохшая, какъ гѣнь,
Вздыхаетъ, какъ бѣлуга,
И стонетъ: «ахъ, мигрень!»

Молю Тебя, Создатель,
(Совѣмъ я не шучу)
Я русскій обыватель —
Я просто жить хочу!

Уйми мою мамашу,
Уйми родную мать —
Не въ силахъ эту кашу
Одинъ я расхлебать.

Она, какъ анархистка,
Всегда сама начнетъ,—
За нею гимназистка
И весь домашній скотъ.

Сестра кричитъ: «устроимъ!»
Своякъ вопить: «плевать!»
Сынокъ шипитъ: «накроемъ!»
А я кричу: «молчать!!»

Проклятья посылаю
Родному очагу
И втайнѣ замышляю —
Въ Америку сбѣгу!..

Саша Черный.

Что сдѣлать мы тогда бѣ могли?!
Миѣ предъ тобой не слѣдъ лукавить:
Чѣмъ прибавлять земли,—
Не проще ль душъ убавить?!

Чужь-Чуженинъ.

«КАДЕТЪ» и МУЖИКЪ.

БАСНЯ.

Свисталъ восторженный «кадетъ» —
Точь въ точь какъ соловей, поющій
Весной подъ кущей:
— Сильнѣй «кадета» звѣря нѣтъ,
И Государственная Дума
Для всѣхъ пріятнѣе изюма...
Не правда-ль, сѣрый братъ, земной ужъ близокъ рай?—
Мужикъ, въ отвѣтъ ему, угрюмо:
— Ложись, да помирай.

Разночинецъ.

МЕЛОЧИ и КУСОЧКИ.

ДИАЛОГЪ.

— Что-то будетъ, что-то будетъ?! Теперь кон-
фликтъ неизбеженъ...
— Да то и будетъ...
— Что?..
— Что раньше было и теперь есть.

Е. З.

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА.

БАСНЯ.

Посвящается В. І. Гурко.

Волкъ доѣдалъ въ лѣсу барана.
Доѣлъ и кости сталъ глотать.
Случилось Лисѣ здѣсь пробѣгать.
Увидѣла, кричитъ: «Долой, долой тирана!
Я, какъ Лиса, должна протестовать!
Вести себя въ поляхъ террористично:
Барановъ пожирать! О, какъ неpolitично!
Позоръ и стыдъ! Я вся—въ огнѣ,
Ишь, только косточки оди!»

— Охъ, кумушка, сберечь трудненько эти мяса...
Ну, посуди сама: баранья раса
Размножилась, и всѣ поля,
Луга, деревни,—вся земля
Баранами заполнилась безмѣрно!
Пойми сама: вѣдь, это скверно!
Средь нихъ возникнуть можетъ моръ
Иль о поляхъ гражданскій споръ,
И дѣло кончится копытами, рогами
Или аграрными, пожалуй, мятежами!



П. Н. Милоковъ.

Л. М. Евреиновъ.



— Изрядно-ли растенье прозябаетъ?
— Изрядно, говоритъ, прозябло ужь совсьмъ.
Кузьма Прутковъ.

Древо російской свободы.

ПРОЕКТЪ АМНИСТІИ.

(ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ НАМИ ВЪ «ВЕРХНЮЮ ПАЛАТУ»).

Государственные преступники *) по важности совершенныхъ ими преступленийъ въ виду тѣлеснаго прижизненія къ нимъ амнистіи дѣлятся на 6 группъ.

1. Государственные преступники, коимъ никакого обвиненія не предъявлено.

Отъ отбываемаго ими наказанія освободить, выслать за предѣлы губерніи.

2. Государственные преступники, коимъ обвиненіе не предъявлено, но кои тѣмъ не менѣе подверглись избиеніямъ нагайками или прикладомъ или какимъ инымъ орудіемъ.

Отъ отбываемаго ими наказанія освободить, подвергнувъ негласному надзору полиціи. Родственникамъ въездъ въ столицы воспретить.

3. Государственные преступники, кои дерзко прибѣгли къ незаконнымъ въ виду могущихъ возникнуть аграрныхъ беспорядковъ голодовкамъ.

*) Подъ именемъ «государственныхъ преступниковъ» слѣдуетъ разумѣть лицъ обоюбого пола, безъ различія вѣроисповѣданія, сидящихъ въ тюрьмахъ. Лица же, пребывающія на свободѣ, не суть государственные преступники.

Срокъ наказанія уменьшить вдвое, съ воспрещеніемъ голодовокъ и личныхъ свиданій.

4. Государственные преступники обоихъ половъ, кои подверглись въ камерахъ поливанію водой.

Срокъ наказанія уменьшить вдвое. Буде же срокъ этотъ неизвѣстенъ, установить таковой по закону въ зависимости отъ усмотренія начальника тюрьмы.

5. Соціалъ-демократы. Сія группа преступниковъ устанавливается опытнымъ путемъ наблюденія за переступивающимися: дознано, что всѣ соціалъ-демократы переступиваются.

Въ примѣненіи къ нимъ полной амнистіи руководствоваться губерніями Архангельской, Вологодской и частью Олонецкой.

6. (и главная). Всѣ уголовные насаждавшіе возвѣщенные 17-го Октября свободы въ Москвѣ, Прибалтійскомъ краѣ и другихъ краяхъ, за Октябрь, Декабрь и другіе мѣсяцы.

Въ примѣненіи къ нимъ полной амнистіи никакихъ изъятій не допускать.

О. Д.

«МОНУМЕНТАЛЬНЫЯ ЭПИТАФІИ»
СОВРЕМЕННЫМЪ ЗНАМЕНИТОСТЯМЪ НА СЛУЧАЙ
ИХЪ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ КОНЧИНЫ.

Гр. Витте.

Вы, листочки, не шумите,
Графа Витте не будите...
Часть придетъ, Судъ настанетъ,
Саваоа онъ обманетъ.

Адм. Дубасову.

Зри!!! Останавливаться здѣсь не воспрещается,
Зане Дубасовъ здѣсь во прахѣ обрѣтается.

Ген. Трепову.

Хиръ истъ деръ Хундъ беграбенъ...

П. Н. Дурново.

Говорила тебѣ я:
Ты не ѡшь овса, свинья.
Не послушалась —
Обкушалась...

(Дальнѣйшее сотрется временемъ).

Нео-Овидій.



ОТЪ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

Бѣловѣжская пуца, 13 мая. Горе, горе! Только
что получилъ извѣстіе: запровано нѣмцамъ лѣса на
500 милліоновъ. Пуца въ томъ числѣ. Куда дѣваться,
что дѣлать? Не обратится-ли къ г-ну Муромцеву?
Телеграфируйте!

Бѣловѣжскій Лѣшій.

Что дѣлать? Самъ не знаю. Извѣстіе настолько
оспаршило, что даже передовицы дать не могъ.

Лѣшій.

КОНКУРСЪ.

Редакція „Лѣшаго“ объявляетъ КОН-
КУРСЪ на проэктъ бронзовой медали въ
ознаменованіе кадетскаго адреса на трон-
ную рльчъ.

Уже доставлены слѣдующіе 3 эскиза. При-
водимъ ихъ описаніе во избѣжаніе возмож-
ныхъ повтореній.

Эскизъ № 1, подъ девизомъ: „Ut desint vires
tamen est laudanda voluntas“ *).

На одной сторонѣ: Заяцъ, прижавши ушки, под-
бираетъ подъ себя лапками знамя „народной сво-
боды“.

На другой—Пейзажъ: Царское Село или Нов.
Петергофъ.

Эскизъ № 2, подъ девизомъ: „Feci quod
potui, faciant meliora potentes“ **).

На одной сторонѣ: Два стула, между ними пу-
стое пространство, подъ нимъ лужа.

На другой—Кадетъ въ славянофильскомъ каф-
танѣ (но съ фригійскимъ колпачкомъ въ карманѣ
оного), опускается между двухъ стульевъ—въ лужу.

Эскизъ № 3, подъ девизомъ: „Quid quid
agis, prudenter agas et respice finem“ ***).

На одной сторонѣ—слова: „Всеобщее, равное, тай-
ное, прямое, безъ различія пола“ и корректурный
знакъ: „выкинуть“.

На другой—ничего.

NB. Сей проэктъ забракованъ, какъ нуждающийся въ
комментаріяхъ; по истолкованію автора самый контуръ ме-
дали уже намекаетъ будто бы на цифру 0.

*) По-русски: „и хочется и колется“.

**) По-русски: „конь и о четырехъ ногахъ, да споты-
кается“.

***) По-русски: „смотри въ корень“.

Л Ъ Ш І Й

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫИ ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКАГО РАЗДУМЬЯ.

Въ „ЛѢШЕМЪ“ принимаютъ участіе:

ХУДОЖНИКИ: Елиз. Бѣмъ, И. И. Бродскій, Н. Н. Бругъ, М. М. Далькевичъ, П. С. Добрынинъ, Л. М. Евреиновъ, Е. С. Зарудная-Кавось, М. Ф. Ивановъ, В. В. Каррикъ, А. А. Кудиновъ, Е. Е. Лансере, А. Б. Лаховскій, А. М. Любимовъ, В. Никитинъ, А. И. Пановъ, М. И. Педашенко-Третьякова, М. М. Савинова, Н. И. Фешинъ, Н. Г. Цириготи и друг.

ПИСАТЕЛИ: Е. В. Аничковъ, М. П. Арцыбашевъ, Г. В. Бартеневъ, А. И. Богдановичъ, А. И. Венцковскій, В. В. Вересаевъ, В. Н. Гординъ, А. Г. Горнфельдъ, О. И. Дымовъ, С. Я. Елпатьевскій, В. П. Кранихфельдъ, В. В. Каррикъ, А. И. Купринъ, А. А. Лукьяновъ, Л. И. Лутугинъ, М. Невѣдомскій, И. Н. Потепенко, И. Рукавишниковъ, Ник. Рыбацкій (псевд.), Евг. С—о (псевд.), Сила Дворяниновичъ (псевд.), Танъ, Дмитрій Цензоръ, Саша Черный, А. А. Яблоновскій и друг.

Художественный и литературный матеріалъ просятъ направлять въ редакцію „Лѣшаго“—Улица Гоголя, д. 14, кв. 14.

Для личныхъ переговоровъ редакція открыта по вторникамъ, отъ 1 часу до 3-хъ.

Подписка принимается по 75 к. за серію въ 5 номеровъ (№№ 1—5), съ пересылкой 1 руб.

Складъ изданія, приѣмъ объявленій и подписки въ конторѣ „Лѣшаго“—Измайловскій полкъ, 6 рота, д. 25, кв. 8.

Кромъ того журналъ продается въ книжныхъ магазинахъ: «Трудъ», Невскій, 60; газеты «Наша Жизнь», Невскій, 19; В. П. Кранихфельдъ, Англійскій пр., 40; магазинъ «Русской Газеты», Невскій, 52; маг. П. И. Яковлева, Вознесен. пр., 13; Дресслера, уг. Б. и М. Дворянской; въ книгоиздательствѣ «Новый Міръ», Николаевская, 61 и во всѣхъ его провинціальн. отдѣленіяхъ. Въ Москвѣ: «Трудъ», Тверская, 38 и маг. П. Д. Путиловой, Арбатъ, 17.

Цѣна номера 15 коп.

Редакторъ М. Миклашевскій (Невѣдомскій).

Издательница Е. Зарудная-Кавось.

Завѣдывающей художественно-технической стороной изданія М. Далькевичъ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.



Страшный дядя.

**ИЗЪ ЗАПИСОКЪ О МИРОЗДАНИИ
КАДЕТА.**

Вначалѣ Богъ сотворилъ небо и землю, земля же была безводна и пуста и тьма надъ бездной, и Духъ Божій носился надъ водой. И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ. И отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тьмы. И назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тьму—ночью. И бысть вечеръ и бысть утро день первый. . . .

И создалъ Богъ кадета.

160 избирателей въ Петербургѣ... И бысть утро и бысть вечеръ день второй..

Всеѣ кадеты выбраны въ Москвѣ. И бысть утро и бысть вечеръ день третій, четвертый, пятый, шестый.

Въ седьмой—почилъ кадетъ отъ трудовъ своихъ.

И насадилъ Господь-Богъ рай въ Таврическомъ дворцѣ и помѣстилъ тамъ кадета, котораго создалъ.

Привели насъ, кадетовъ, въ рай и заповѣдали: отъ всякаго древа въ саду ты будешь ѣсть, а отъ древа познанія добра и зла, которое посередь рая растеть— не ѣшь отъ него, ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертью умрешь.

Маія... дня... Все мы ходимъ вокругъ древа познанія добра и зла и видимъ, что дерево хорошо для пищи и пріятно для глазъ и возделъшино, но Миллюковъ говоритъ, что былъ прецедентъ—и что изъ рая могутъ выгнать *).

Маія... Сегодня змій... *Написано и потомъ зачеркнуто:* Мякотинъ.

*) *Примѣчаніе.* Максимъ Максимовичъ объясняетъ, какъ въ другихъ хорошихъ домахъ дѣлается.

На этомъ оканчиваются записки кадета.

Богачъ.



**ОТЪ НАШИХЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ
СОТРУДНИКОВЪ *).**

«Вы отца вашего діавола есте и похоти отца вашего хотите творити. Отъ челоукоубійца бѣ искони и во петниѣ не стоить, яко бѣтъ петни въ негѣ».

(Посл. къ Коринѣ).

Митрополитъ Антоній о смертной казни.

Во время обычнаго визита митрополита Антонія въ пересыльную тюрьму, на 4-й день Пасхи, политическіе заключенные одной изъ камеръ пригласили его и задали ему слѣдующій вопросъ: какъ митрополитъ въ качествѣ высшаго чина православной церкви, смотритъ на смертную казнь. Митрополитъ отъ интервью не отказался, упомянулъ о томъ, что Христосъ и Моисей признавали смертную казнь и закончили тѣмъ, что заповѣдь «не убій», относится не къ убійствамъ, совершаемымъ правительствомъ, а лишь къ убійствамъ «незаконнымъ».

Телеграмма о. Іоанна Кронштадтскаго редакціи „Моск. Вѣд.“.

По поводу 150-тилѣтняго существованія „Московскихъ Вѣдомостей“, редакція печатаетъ полученные ею поздравительныя телеграммы; особаго вниманія заслуживаетъ поздравленіе о. Іоанна Кронштадскаго, въ которомъ тотъ пишетъ: «Я говорю: вотъ истинные сыны Россіи, сыны церкви православной, въ которыхъ нѣтъ лукавства, которые говорятъ всегда истину, все то, что только близко Россіи, святой православной церкви, и не обмолвились ни однимъ словомъ лукавства и лжи».

*) Редакція «Лѣснаго» выражаетъ свою глубокую признательность этимъ двумъ виднымъ сотрудникамъ, почтившимъ ее своимъ вниманіемъ, и твердо надѣется, что они и впредь не откажутъ въ поставкѣ подобнаго образцоваго матеріала.

Ред.



Цѣна 15 коп



А. К.

Опыт...

Э

Цѣна 15 коп.

ОШУИЪ

1906 ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКАГО РАЗДУМЬЯ. № 4

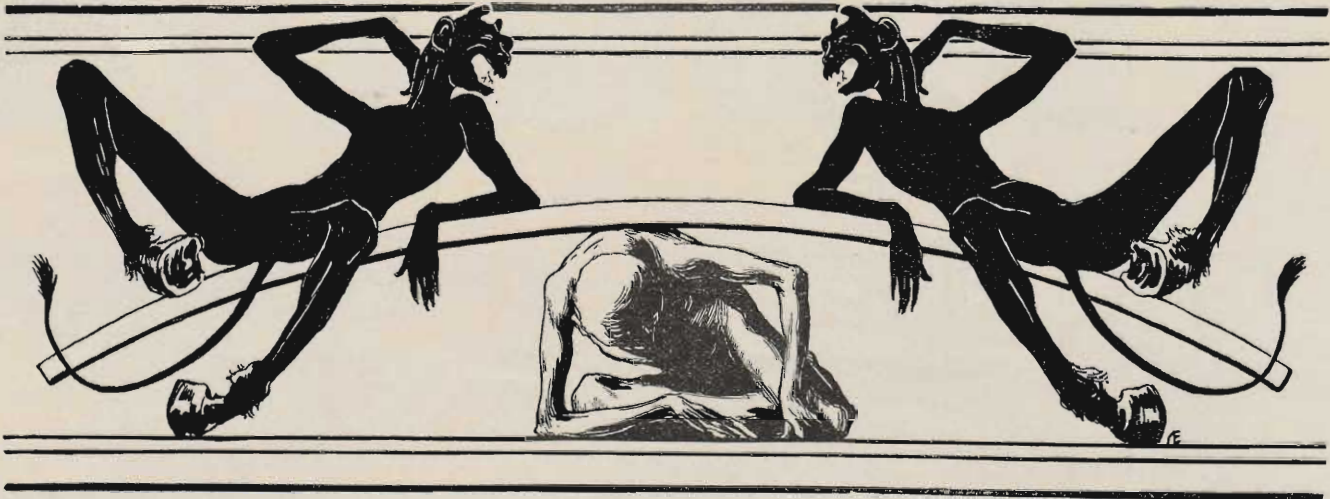
И. Бродскій.



Русская симфонія.

The Russian Symphony

Л. Е.



А В Т О Ф А Г И.

Ну, конечно, они автофаги—самопожиратели...

Я долго искалъ слово и, наконецъ, нашель. Они прозорливы до того, что пожравши все вокруг себя и все вокруг обгадивъ, въ порывѣ неутолимой плотоядности, въпиляются, наконецъ, ядовитыми челюстями въ собственное мясо и самоуничтожаются...

Это—совершенно особенная порода животныхъ.

Скорпионъ въ минуту отчаянія, говорятъ, закалываетъ себя собственнымъ жаломъ.

Эти—не знаютъ отчаянія. Слосто- и властолюбіе ихъ и прозорливость поддерживаютъ ихъ въ состояніи полной тупости и ослѣпленія ко всему, что не можетъ быть объектомъ пожирания. Они слѣпы и глухи. Они не видятъ развѣвающейся подъ ними бездны, не ощущаютъ колебаній готовой поглотить ихъ почвы. Они и втягиваютъ только воздухъ и нюхаютъ: что могла бы еще поглотить ихъ утроба?.. И когда все находящ-ся «въ предѣлахъ досягаемости» поглощено, когда вокругъ нихъ образовалась пустыня, они съ тѣмъ же тупымъ, привычнымъ чавканіемъ принимаютъ за самихъ себя.

Животное, по-истинѣ, всеядное и имя ему—автофагъ.

Вы понимаете, что я говорю объ нихъ, объ этихъ, трижды проклятыхъ, которыхъ хотѣлъ изгнать изъ поля моего зрѣнія, о которыхъ обѣщаль не заводить рѣчи, чтобы не испакостить моего нѣкогда благороднаго языка лѣшаго...

Но, во-первыхъ, я за этотъ годъ такъ породнился съ вами, люди-человѣки, что невольно научился человѣческому языку: «шрапнели», «пулеметы», «блиндажи», «входящія» и «исходящія»—этими и имъ подобными прелестями вашей человѣческой рѣчи уже давно пе-стрять мои передовицы, а, во-вторыхъ, объ нихъ невозможно не говорить—силъ нѣтъ не говорить!..

Вы думаете—они коварны и изворотливы, наглы и упрямы. Вы думаете они лгутъ и обманываютъ, чтобы предавать и губить все вокругъ себя, ради своей корысти и своего спасенія?

Я тоже такъ думалъ. Но теперь знаю: они глупы, прозорливы—и только!

Они столѣтія цѣлыя чавкали въ полное свое удовольствие, наркотизируя сознание своихъ жертвъ грубыми и лживыми выдумками и сказками.

А жертвы—въ полудремотѣ питались мякиной и вѣрили сказкамъ и кормили ихъ своею кровью.

Но имъ надоѣла постная мякинная кровь и они «насадили» промыслы, дабы полакомиться и скромненькимъ.

И количество поглощаемой ими крови и пота людского удвоилось и утроилось, и они тучили и радовались. И не замѣчали, что вмѣстѣ съ промыслами появилась и мысль, которую слопать нельзя. Это была первая глупость.

А мысль обняла все происходящее и рѣшила, что кровь человѣческая не имѣетъ того назначенія, чтобы служить пищей гадамъ. И прежде покорное и дремлющее стадо зашевелилось и забеспокоилось...

Тогда они сообразили, что противъ мысли есть кнутъ и пуля и оковы. Это была вторая глупость.

Кнутъ подстегивалъ мысль, а оковы сковывали и пули пронизали тѣло, а не душу.

И мысль множилась и крѣпла. И такъ шли годы и десятки лѣтъ. Они стрѣляли и сковывали, а мысль отметала ложь и лживыя, столѣтіями затверженные сказки.

И пришла имъ тогда идея—великая идея, какая можетъ придти только существамъ обреченнымъ на самопожраніе!...

Они рѣшили затемнить мысль. Они послали людей избивать далекихъ иноплеменниковъ, чтобы въ морѣ крови утопить мысль и въ азартѣ борьбы воскресить выдохшіяся сказки. И они покрыли мѣръ кровью, а себя позоромъ. И всѣмъ еще очевиднѣе стали и глупость ихъ и темные прозорливые замыслы. Это была третья глупость—глупость изъ глупостей!

И мысль разгорѣлась въ пылающей костеръ, и языки ея пламени разбѣжались по всему лицу земли,

которую они считали своею. И вмѣсто сказокъ, учившихъ покорности, умы и души наполнились проклятіями и ненавистью, гнѣвомъ и тоской по свободѣ!

Тогда они начали звать, чтобы успокоить людей, которыхъ сосать имъ хотѣлось по прежнему.

— Вы хотите свободы?—сказали они—хорошо, будетъ свобода.

И это была четвертая глупость, ибо когда имъ на минуту повѣрили, они залили всю землю кровью, народной кровью...

И все поняли, что они не только насильники, но и лжецы. И весь свѣтъ бросилъ имъ въ лицо это наименованіе: насильники и лжецы!

Тогда они вздумали оправдаться. Они сдѣлали видъ, что держатъ свои обѣщанія. И вмѣсто свободы дали людямъ зданіе, въ которомъ собрали одну двухсотъ-тысячную часть народа, и пригласили ее говорить отъ имени народа.

А зданіе они окружили своими пулеметами и штыками и продолжаютъ вокругъ него пожирать человѣческую жизнь.

Умные! они вообразили, что эта горсть людей принесетъ съ собою только двухсотъ-тысячную долю народного гнѣва и выскажетъ такую же малую долю народной правды и тоски по правдѣ...

И чтобы вѣрибе было, они засадили въ тюрьму, заслали въ ссылку или разстрѣляли всѣхъ тѣхъ, въ комъ, они боялись, ярче пылаетъ пламя гнѣва...

Но и слабые уста слабыхъ людей произносятъ только слова гнѣва и ненависти.

И слабые голоса, выражая только малую долю правды, на весь міръ свидѣлствуютъ о глупости

ихъ, автофаговъ, и о лживости ихъ и прожорливости, и ставятъ клеймо Каина на лбахъ ихъ!

И слабые голоса эти превращаются въ трубный гласъ, разносящій по всей странѣ слова правды, проникающій во все закоулки, во все низины, подвалы и казармы, куда не проникалъ до сихъ поръ ни одинъ живой звукъ, ни одинъ глотокъ свѣжаго голоса.

И всюду растетъ и множится и крѣпнетъ гнѣвная мысль...

А они думаютъ, что перехитрили народъ! А они думаютъ, что своими хитросплетенными измышленіями и свободными по названію, но обманными законами и установленіями отсрочиваютъ гибель своего благополучія!

А они въ противовѣсъ этой башнѣ, съ которой тысячами разбрасываются хоть и мелкіе, но всхожія сѣмена гибельной для нихъ правды, издаютъ клеветническіе листки и доказываютъ, что нѣтъ ничего бѣлѣе чернаго, и чище грязи, а вокругъ—продолжаютъ свое черное и кровавое дѣло истребленія...

И они полагаютъ, что это не само-истребленіе! И они не видятъ, что, пожравши и обгадивши все вокругъ себя, они уже впились теперь въ собственное дѣло и глодаютъ самихъ себя... автофаги!

Такова, пятая, горшая изъ всѣхъ—глупость этой прожорливой породы.

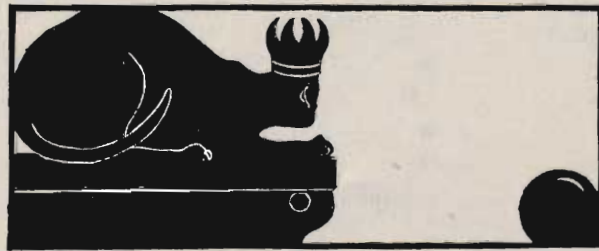
Горшая изъ всѣхъ и послѣдняя.

Ибо при ихъ прожорливости на-долго ли имъ самихъ себя хватить?

Нѣтъ ужъ, братцы, теперь—скоро!..

Львій.

М. С.



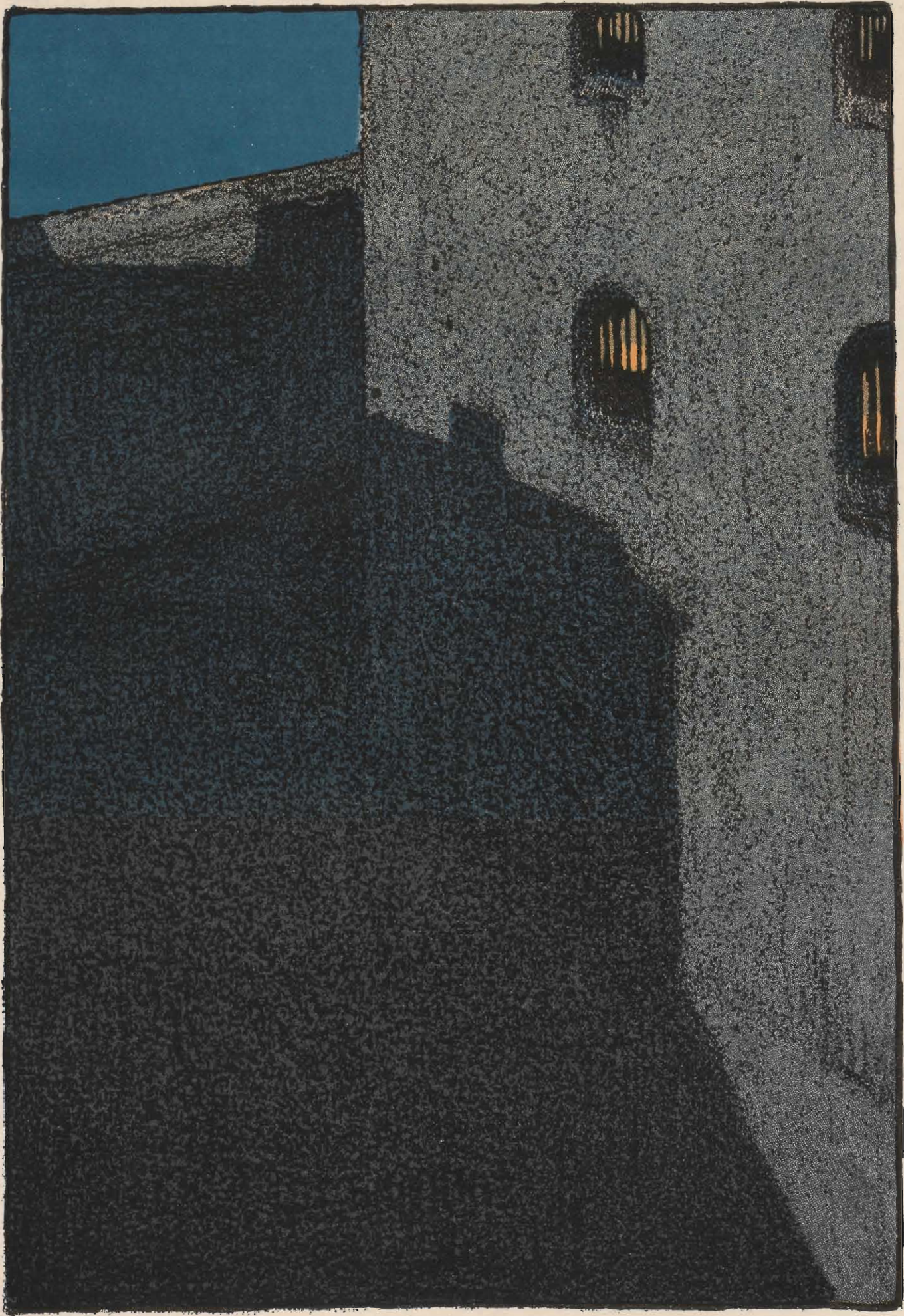
ПѢСНЬ ВРЕМЕНИ.

Вѣтеръ мчится дикимъ звѣремъ,
Вѣтеръ холоденъ, безстрашенъ —
И дрожитъ усталый теремъ,
И трепещетъ кровля башенъ.
Теремъ, теремъ! Дни и годы,
Ты стоялъ на стражѣ гнета,
Сторонились непогоды,
Тучамъ не было пролета.
Башни, башни! Небо въ ключья
Раздирая безъ печали,

Звѣзды прятали въ ночь,
Полдень тѣнью омрачали.
На далекомъ сидя камнѣ,
Я тайкомъ на васъ глядѣло...
Местъ холодная сладка мнѣ,
Говорю я вѣтру: «Въ дѣло!»
Вѣтеръ мчится дикимъ звѣремъ,
Вѣтеръ холоденъ, безстрашенъ —
И падетъ усталый теремъ,
Разметится тяжесть башенъ!..

И. Гурвичъ.

А. К.



Полная амнистія.

Complete amnesty



А. Любимовъ.

„Звѣздная палата“.

Staraya Chamber — (of the Special
Committee for fighting the Revolution)



БАЛЛАДА.

Привѣтливъ и шуменъ старинный чертогъ.
 Въ наслѣдственный замокъ къ барону
 Сзываетъ вассаловъ на празднество рогу,
 Трубя по зеленому склону.
 И дерзкія вина, и плечъ нагота,
 И женщинъ томящая ласка
 Трещутъ, и съ ними созвучно слита
 Задумчиво-мѣрная пляска.

...Въ деревнѣ у склона
 Пятно на снѣгу:
 То—слуги барона...
 О, горе врагу!
 Во мракѣ и вьюгѣ
 Сверканье клинковъ...
 То тѣшатся слуги
 Безсилемъ рабовъ.

Сверкаетъ огнями просторъ колоннадъ
 И зыблется лѣстивое эхо,
 И вкрадчиво ткани нарядовъ шуршатъ,
 Сливаясь съ каскадами смѣха...

...Внизу, за оврагомъ—
 Проклятья и крикъ...
 Разслабленнымъ шагомъ
 Цѣтется старикъ.

Свистящія плети
 Взиваются вновь...
 О, бѣдныя дѣти,
 О, чистая кровь!

Яснѣетъ усталый отъ тьмы небосклонъ
 И медленнѣй говоръ и танецъ.
 Чуть брызжетъ, безсилнымъ разсвѣтомъ рожденъ,
 Предутренній блѣдный румянецъ.

...Въ деревнѣ, у склона
 Оковы грызутъ:
 То слуги—барона
 Покой стерегутъ.
 Бормочутъ невнятно
 Проклятье врагу...
 Зловѣщія пятна
 Лежатъ на снѣгу...

Л. М. Василевскій.

ПРОТЕСТЫ ПРОТИВЪ СМЕРТНОЙ
КАЗНИ.

Нашей редакціей получены слѣдующіе протесты
 противъ смертной казни отъ двухъ не безъизвѣстныхъ
 лицъ:

I. „Ни права, ни крива не убивайте, еще будетъ
 повиненъ смерти; а души не погубляйте никакой
 христіанской“...

Влад. Мономахъ.

II. ...У насъ висѣлицу разбило молніей. Что бы,
 ей заодно разбить и всѣ висѣлицы на свѣтѣ!

Жена губернатора Санчо Панца—Тереза.

Доставилъ въ ред. Ювеналь.



ПОЛИТИЧЕСКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

ДА БУДУТЪ ОНИ ПРОКЛЯТЫ!..

Лзъ.

Н. И. Фешинь.



И это продолжается...

ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ.

«Долой амнистию!
Да здравствует смертная
казнь!»

Отъ монашескаго пѣнья,
Отъ кадилныхъ благовоній,
Прикатилъ для управленья
Изъ Житомира Антоній.
Тамъ, въ провинціи доходной
Украшался онъ виссономъ,
И средь знати благородной
Пилъ душистый чай съ лимономъ.
А за нимъ весьма прилежно
«Мироносицы» ходили,
Въ ротъ заглядывали нѣжно
И тихонько говорили:
«Ахъ, какой епископъ статный
Управляетъ нынче нами!
Просвѣщенный, деликатный,
Съ изумрудными глазами»...
Черезъ мѣсяцъ аккуратно,
Для людей непросвѣщенныхъ
Онъ прочитывалъ приватно
Поученій рядъ ученыхъ:
О Толстомъ и о Ренанѣ
Съ точки зрѣнія вселенской,
О дьявольскомъ обманѣ,
О войнѣ, о чести женской...
Тексты сыпались привольно,
Рѣчь текла легко и гладко...
Я тамъ былъ... дремалъ неволью
И зѣвалъ при этомъ сладко...
Что Ренаны, что Толстые?
Отщепенцы, басурмане!
Лишь епископы святые
Чистой крови христіане...
Прочитавъ теперь въ газетѣ,
Какъ Антоній отличился
Въ Государственномъ Совѣтѣ,
Я ничуть не удивился:
Гдѣ муаровыя рясы
Въ управленіе влѣзть сумѣютъ.—
Въ черносотенствѣ лампасы
Передъ ними поблѣднѣютъ!..
Въ каждомъ словѣ—кровожадность,
Пресмыканье, фарисейство,
И смиренная «лампадность»,
И высокое лакейство.
Христіанѣйшій язычникъ
Черной злобою пылаетъ—
Гдѣ тутъ пастырь, гдѣ—опричникъ
Пусть досужій разбираетъ...
«Имъ амнистию?!» смѣется,
И цѣпямъ поетъ: «осанна!»
Ликованіе несется
Изъ Самаринскаго стана...

Ахъ, епископъ-звѣздоносецъ
Съ изумрудными глазами!
Сколько бѣдныхъ мироносицъ
Недовольны будутъ вами!..

Саша Черный.

НА ЭКЗАМЕНЪ ВЪ КАДЕТСКОМЪ *)
КОРПУСѢ.

- Завоеваніе Сибири въ которомъ году?
- 1906.
- Присоединеніе прибалтійскихъ губерній?
- 1906 г.
- Взятіе Москвы?
- 1906.
- Покореніе Кавказа?
- 19...
- Чортъ возьми! вамъ. Быть генераломъ, гене-
ралъ-губернаторомъ! Пять балловъ!

Д.



ФИТИЛИ.

(для крошечныхъ дѣтей **).

Сдайся крѣпость Кушка,
Сдайся старый стиль!—
Дума наша—пушка,
Родичевъ—фитиль...

* * *

Всѣ кадеты вмѣстѣ
(Только inutile)
Кабинету съ честью
Вставили фитиль.

* * *

Скоро всѣмъ въ подарокъ
Выйдетъ новый билль...
Коль чадить огарокъ—
Потуши фитиль!

Саша Черный.

*) Убѣдительно просить не смѣшивать съ «кадетами» въ
ковычкахъ.**) На мотивъ: «Катенька гуляла
У себя въ саду...»

ВЪ XX-мъ ВѢКѢ.

(изъ беллами, пер. съ америк. на русск. О. Д—овъ).

...Идея о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ блиндируваніи окончательно укрѣпится въ умахъ не ранѣе какъ черезъ 20—30 лѣтъ.

Къ концу 1906 года появятся первые блиндируемые губернаторы и вице-губернаторы; пристава, околадочные и городовые подвергнутся неполному блиндажу (какъ бываетъ неполная амнистія *): отъ шеи до колѣна. Начальники же карательныхъ экспедицій, прокуроры, палачи и др. будутъ показываться на улицахъ не иначе какъ въ полной блиндажной формѣ.

Въ началѣ 1907, въ виду все усиливающегося крестьянскаго голода, заблиндируются: а) земскіе начальники (полно), б) урядники (полно), с) помѣщики (своекоштно) и д) сельскіе писаря (неполно). Что касается мѣстнаго духовенства, то, по обыкновенію, это словіе запоздастъ: блиндируемые псаломщики и дьячки впервые появятся едва только въ 1915 году, т. е. два года спустя послѣ появленія блиндируемыхъ фабричныхъ инспекторовъ и женъ инспекторскихъ.

Къ осени 1917 года начнутся работы по бронированію. Подъ руководствомъ блиндируемыхъ городскихъ архитекторовъ спѣшно будутъ забронированы: памятникъ Екатерины Великой, Публичная библіотека, городская ратуша, часть Казанскаго собора, вокзалы: Николаевскій, Варшавскій и Царскосельскій съ паровозами, а со слѣдующей весны театры зимніе и лѣтніе.

Запрещеніе выходить на улицы въ двенадцатые и иные праздники послѣдуетъ не ранѣе 1921 года. Съ 1922 года, кромѣ того, въ указанные дни будутъ разводиться мосты.

Черезъ три года начнутся земляныя работы по укрѣпленію проспектовъ и важнѣйшихъ улицъ. Главный рядъ траншей будетъ сооруженъ вдоль Вознесенскаго проспекта, Шпалерной улицы, примыкающей къ Адмиралтейской площади—части Невскаго и Морской. Фугасы и волчьи ямы на островахъ (Елагинъ, Каменный, Крестовскій и др.) значительно запоздають: 1925—27 годы.

Въ тридцатыхъ годахъ двадцатаго столѣтія къ осуществленію великой «железной реформы» приступить также и министерство народнаго просвѣщенія. Будутъ блиндируемы всѣ учителя съ инспекторомъ и директоромъ во главѣ. Особенно полно заблиндируются учителя латинскаго языка, а въ реальныхъ училищахъ—математики. Въ низшихъ школахъ блиндажъ будетъ не полный; административный и учебный персоналъ высшихъ учебныхъ заведеній блиндируваться не будетъ за отсутствіемъ таковыхъ заведеній и соотвѣтственнаго персонала.

*) И такой не бываетъ.

Прим. наборщика.

И тогда то щедрой рукой будутъ насаждаться обѣщанныя 17-го Октября 1905 года реформы, если впрочемъ по климатическимъ и стратегическимъ причинамъ еще останется на Руси достаточное число обывателей, дабы служить объектами какихъ-либо реформъ.

О. Д—овъ.



МЕЛОЧИ И КУСОЧКИ.

ПОДСЧИТАЛЪ.

— Разумѣется, при нынѣшней двухпалатной системѣ...

— Пятипалатной, хотите вы сказать?

— ??.

— Ну, да! Кадетскій клубъ—это 'разъ. Дума—это два. Кулуары съ господиномъ Милюковымъ—три. Витте-Дурново съ Государственнымъ совѣтомъ—четыре. Да звѣздная палата съ Треповымъ... Итого пять.

МОЖЕТЪ БЫТЬ И ТАКЪ.

— Съ чего этотъ Гурко о социализмѣ въ Думѣ заговорилъ?

— Онъ «товарищъ»... министра и не хочетъ отставать отъ министровъ...

— ??.

— А имъ, вѣдь, сказано: «пошли вонъ, дураки!»

В. Каррикъ.



В. В. Водовозовъ.

ПОЛОЖЕНИЕ!

— Разгонять Думу? Она такъ дискредитируетъ правительство...

— Въ томъ-то и дѣло, что мы нынче кредитуемъсь подъ дискредитированіе: не будетъ Думы—не будетъ дискредитированія, но и кредита тоже...

ГЛУБОКОМЫСЛЕННО.

— Почему львовскій гимнъ называется народнымъ?

— Должно быть, потому, что о народѣ въ немъ ничего не упоминается...

А.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА.

У русскаго правительства 2¹/₂ миллиарда франковъ, а у кадетовъ только одинъ... Франкъ.

Л. Г.



ОТДѢЛЪ КРИТИКИ.

КРИТИЧЕСКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ ВЪ ЛИЦАХЪ.

Наши поэты.

К. Д. Бальмонтъ.

Я солнце всепобѣдное!
Я облачко безслѣдное...
Я пошлость не банальная,
Я риѐма музыкальная...
И переводы блѣдные,
И звуки смысломъ бѣдные!..

Вячеславъ Ивановъ. Загадочныя картинки въ стихахъ и прозѣ.

«Изъ хаоса изъ чернаго,
Изъ нѣтъ изъ непокорнаго,

Слѣпительное да»...

А въ общемъ — ерунда.

Скиталець. Что нѣмцу смерть, то русскому здорово. Что нѣмъ Максимъ?!

И оглоблю своей
Ты въ смердящія сердца
Бей!

(Изъ стих. «Къ Музѣ»).

Persifleur.

В. Каррикъ.



Скиталець.

Л Ъ Ш І Й

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКАГО РАЗДУМЬЯ.

Въ „ЛЪШЕМЪ“ принимаютъ участіе:

ХУДОЖНИКИ: Елиз. Бѣмъ, И. И. Бродскій, Н. Н. Брутъ, М. М. Далькевичъ, М. Демьяновъ, П. С. Добрынинъ, Л. М. Евреиновъ, Е. С. Зарудная-Кавось, М. Ф. Ивановъ, В. В. Каррикъ, А. А. Кудиновъ, Е. Е. Лансере, А. Б. Лаховскій, А. М. Любимовъ, В. Никитинъ, С. И. Пановъ, М. И. Педашенко-Трегьякова, М. М. Савинова, Н. И. Фешинъ, Н. Г. Цириготи и друг.

ПИСАТЕЛИ: Е. В. Аничковъ, М. П. Арцыбашевъ, Г. В. Бартеневъ, А. И. Богдановичъ, А. И. Венцковскій, В. В. Вересаевъ, В. Н. Гординъ, А. Г. Горнфельдъ, О. И. Дымовъ, С. Я. Елпатьевскій, В. П. Кранихфельдъ, В. В. Каррикъ, А. И. Купринъ, А. А. Лукьяновъ, Л. И. Лутугинъ, М. Невѣдомскій, И. Н. Потапенко, Ник. Рыбацкій (псевд.), Евг. С—о (псевд.), Сила Дворяниновичъ (псевд.), Танъ, Дмитрій Цензоръ, Саша Черный, А. А. Яблоновскій и друг.

Художественный и литературный матеріалъ просятъ направлять въ редакцію „Лѣшаго“—Улица Гоголя, д. 14, кв. 14.

Для личныхъ переговоровъ редакція открыта по вторникамъ, отъ 1 часу до 3-хъ.

Подписка принимается по 75 к. за серію въ 5 номеровъ (№№ 1—5), съ пересылкой 1 руб.

Складъ изданія, приемъ объявленій и подписки въ конторѣ „Лѣшаго“—Измайловскій полкъ, 6 рота, д. 25, кв. 8.

Кромѣ того журналъ продается въ книжныхъ магазинахъ: «Трудъ», Невскій, 60; газеты «Наша Жизнь», Невскій, 19; В. П. Кранихфельдъ, Английскій пр., 40; магазинъ «Русской Газеты», Невскій, 52; маг. П. И. Яковлева. Вознесен. пр., 13; Дресслера, уг. Б. и М. Дворянской; въ книгоиздательствѣ «Новый Миръ», Николаевская, 61 и во всѣхъ его провинціальн. отдѣленіяхъ. Въ Москвѣ: «Трудъ», Тверская, 38 и маг. П. Д. Путиловой, Арбатъ, 17. За границей: въ Agence de la presse Russe, Paris, 11, Avenue de l'Opera; London, 77, Lower Thames str. E. C; Berlin, 101, Friedrichstrasse; Nice, 13, Promenade des Anglais; Wien, 8, Stefansplats.

Цѣна номера 15 коп.

Редакторъ М. Миклашевскій (Невѣдомскій).

Издательница Е. Зарудная-Кавось.

Завѣдывающій художественно-технической стороной изданія М. Далькевичъ.

Т-во Р. Голикъ и А. Вильборгъ.

Н. Ф.



ДО ДУМЫ, ВО ВРЕМЯ ДУМЫ, ПОСЛѢ ДУМЫ.

ВХОДЯЩІЯ И ИСХОДЯЩІЯ.

(Изъ архива министерства Вн. Дѣлъ).

*

ОТНОШЕНІЕ. № 1.

(Изъ многихъ губ. жанд. управленій).

Нѣтъ уликъ,—есть убѣжденье...
Продолжать ли ихъ томить,
Или дать имъ снисхожденье
И на волю отпустить?

ПРИКАЗЪ.

(Изъ Петербурга).

Ни за что! Держите крѣпко:
Вражье дѣло очень лѣпко.

ОТНОШЕНІЕ. № 2.

(Изъ охранныхъ пѣдръ).

Вопреки всѣмъ ожиданьямъ,
Судъ надъ внутреннимъ врагомъ
Дѣло кончилъ оправданьемъ...
Можно ль спорить намъ съ судомъ?

ЦИРКУЛЯРЪ.

(Изъ Петербурга).

И прежде грѣхъ такой водился...
Но мы исправимъ всѣ изъяны:
Чтобъ пуше врагъ не расплодился,
Въ порядкѣ «экстренной» охраны
Въ согласи дѣйствуя съ судомъ,
Вы ихъ держите подъ замкомъ.

Сообщилъ А. Скорбинъ.

НАШИ ДѢТИ.

(драма въ одномъ дѣйствіи).

Дѣйствующія лица:

Саша 5-ти лѣтъ.

Маша 4-хъ.

Родитель.

Дѣйствіе—въ наши дни.

Саша. Папа! А министромъ лучше быть, чѣмъ офицеромъ...

Родитель. Почему, душенька?

Саша. Плюху дадутъ министру—ему какъ съ гуся вода, а офицеръ долженъ на дуэль идти... и его могутъ подстрѣлить...

Маша. Ну, отъ этого и министръ не застряхантъ!

Родитель. О, времена! О, нравы!..

(Занавѣсъ)

Жизнь.



СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ.

ЭПОХА СВЯТОПОЛКЪ-МИРСКАГО.

Выражено довѣріе народу и народъ остался.

ЭПОХА ПЛЕВЕ.

Министерству ничего не выражено, но отъ министра осталось очень мало.

ЭПОХА ДУРНОВО.

Народу ничего не выражено, но его все-таки осталось еще много.

ЭПОХА ГОРЕМЫКИНА.

Министерству выражено недовѣріе и оно осталось.

ЭПОХА ?..—???

О. Д-овъ.



ЭЛЕГІЯ.

«Куда на выдумки природа таровата!»
Бываетъ у людей—ума палата,
Есть у иныхъ народовъ—«прокуратовъ»
Палаты депутатовъ.
У насъ же Дума есть,
Но это намъ не въ честь:
Силенки въ ней чуть-чуть..
А «Звѣздная палата»—
Вотъ эта всѣмъ богата
И въ ней—вся суть.

Гибуллѣ.



Н. Бруто.



Украшение Таврического дворца продолжается...

Ornamentation of the Tauris Palace (The Dumas) continues